

ПОЛИТБЕСТ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ

АЛЛЕН ДАЛЛЕС ГЕНРИ КИССИНДЖЕР

**ОТ СТАЛИНА
ДО БРЕЖНЕВА**

**ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ
С КРЕМЛЕВСКИМИ ВОЖДЯМИ**

Политбест

Уинстон Черчилль

**От Сталина до Брежнева. Трудный
диалог с кремлевскими вождями**

«Алгоритм»

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

Черчилль У. С.

От Сталина до Брежнева. Трудный диалог с кремлевскими
вождями / У. С. Черчилль — «Алгоритм», — (Политбест)

ISBN 978-5-907028-72-2

Авторы этой книги – виднейшие западные политики: Уинстон Черчилль – премьер-министр Великобритании в годы Второй мировой войны и после нее, часто вел переговоры со Сталиным, бывал в СССР; Аллен Даллес – крупнейший американский дипломат, разведчик, возглавлял ЦРУ в послевоенные годы, во многом определял политику США, когда в СССР правил Никита Хрущев; Генри Киссинджер, «патриарх американской дипломатии», был Государственным секретарем США в 1970-е годы, встречался с Леонидом Брежневым и вел с ним переговоры. В книге собраны воспоминания и размышления этих трех незаурядных политиков обо всех трудностях и «подводных камнях», которые были на нелегком пути построения отношений Запада с Москвой. Воспоминания наполнены многими подробностями, которые были известны только их авторам, и представляют собой уникальный источник по данной теме.

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-907028-72-2

© Черчилль У. С.
© Алгоритм

Содержание

Уинстон Черчилль	6
Война в России и проблема второго фронта	6
Разговор со Сталиным в Москве	25
Тегеранская конференция	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Уинстон Черчилль, Аллен Даллес, Генри Киссинджер, Вилли Брандт От Сталина до Брежнева. Трудный диалог с кремлевскими вождями

© Черчилль У. (Churchil W.), Даллес А. (Dulles A.), Киссинджер Г. (Kissinger H.), правообладатели

© Перевод с английского

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Уинстон Черчилль

Трудные разговоры со Сталиным

(из книги У. Черчилля «Вторая Мировая война»)

Война в России и проблема второго фронта

...Вторжение Гитлера в Россию изменило отношение военного времени. Тем не менее, советское правительство никак не откликнулось на мое обращение по радио к России и ко всему миру в день нападения Германии, если не считать того, что выдержки из него были напечатаны в «Правде» и в других русских правительственных органах и что нас попросили принять русскую военную миссию. Молчание в высших сферах было тягостным, и я счел своей обязанностью сломать лед.

Я вполне понимал, что они, возможно, испытывают неловкость, учитывая все, что произошло между Советским Союзом и западными союзниками после начала войны, и помня о том, что было 20 лет назад между мной и большевистским революционным правительством. Поэтому я обратился лично к Сталину и сообщил о нашем намерении помочь русскому народу всем, чем только мы можем.

*«Премьер-министр Черчилль – премьеру Сталину.
8 июля 1941 года.*

Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление совершенно неспровоцированному и безжалостному вторжению нацистов. Храбрость и упорство советских солдат и народа вызывают всеобщее восхищение. Мы сделаем все, чтобы помочь Вам, поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы. Чем дольше будет продолжаться война, тем большую помощь мы сможем предоставить. Английские воздушные силы производят как днем, так и ночью большие налеты на все оккупированные Германией территории и на саму Германию в пределах досягаемости.

Около 400 самолетов совершали вчера дневные налеты по ту сторону моря. В субботу вечером более 200 тяжелых бомбардировщиков совершили налет на германские города. Некоторые из них несли бомбы по три тонны весом, а прошлой ночью в операциях участвовало около 250 тяжелых бомбардировщиков. Так будет и впредь. Мы надеемся таким путем заставить Гитлера вернуть часть своих военно-воздушных сил на запад и постепенно ослабить бремя, лежащее на Вашей стране. Кроме того, по моему желанию Адмиралтейство подготовило серьезную операцию, которую оно предпримет в ближайшем будущем в Арктике, после чего, я надеюсь, будет установлен контакт между британскими и русскими военно-морскими силами. Тем временем в операциях у норвежских берегов мы перехватили различные транспортные пароходы, направлявшиеся на север против Вашей страны. Мы приветствуем прибытие русской военной миссии с целью согласования будущих планов.

Нам нужно лишь продолжать прилагать все усилия, чтобы вышибить дух из злодеев».

В ответ я получил следующее письмо:

*«Премьер Сталин – премьер-министру Черчиллю.
18 июля 1941 года.*

...Не сомневаюсь, что у наших государств найдется достаточно сил, чтобы, несмотря на все трудности, разбить нашего общего врага.

Может быть, не лишне будет сообщить Вам, что положение советских войск на фронте продолжает оставаться напряженным. Результаты неожиданного разрыва Гитлером пакта о ненападении и внезапного нападения на Советский Союз, создавшие для немецких войск выгодное положение, все еще сказываются на положении советских войск. Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда.

Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции.

Еще легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев».

* * *

Я ответил письмом от 21 июля 1941 г.:

«Я был весьма рад получить Ваше послание и узнать из многих источников о доблестной борьбе и многочисленных сильных контратаках, при помощи которых русские военные силы защищают свою родную землю. Я вполне понимаю военные преимущества, которые Вам удалось приобрести тем, что Вы вынудили врага развернуть силы и вступить в боевые действия на выдвинутых вперед западных границах, чем была частично ослаблена сила его первоначального удара.

Все разумное и эффективное, что мы можем сделать для помощи Вам, будет сделано. Я прошу Вас, однако, иметь в виду ограничения, налагаемые на нас нашими ресурсами и нашим географическим положением. С первого дня германского нападения на Россию мы рассматривали возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды.

Начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу. Только в одной Франции немцы располагают сорока дивизиями, и все побережье более года укреплялось с чисто германским усердием и ошетинилось орудиями, колючей проволокой, укрепленными огневыми точками и береговыми минами. Единственный участок, где мы могли бы иметь хотя бы временное превосходство в воздухе и обеспечить прикрытие самолетами-истребителями, – это участок от Дюнкерка до Булони. Здесь имеется сплошная цепь укреплений, причем десятки тяжелых орудий господствуют над подходами с моря, многие из них могут вести огонь через пролив. Ночное время длится менее пяти часов, причем даже в этот период вся местность освещается прожекторами. Предпринять десант большими силами означало бы потерпеть кровопролитное поражение, а небольшие набеги повели бы лишь к неудачам и причинили бы гораздо больше вреда, чем пользы, нам обоим. Все кончилось бы так, что им не пришлось бы перебрасывать ни одной из частей с Ваших фронтов, или это кончилось бы раньше, чем они могли бы это сделать.

Вы должны иметь в виду, что более года мы вели борьбу совершенно одни и что, хотя наши ресурсы растут и отныне будут расти быстро, наши силы напряжены до крайности как в метрополии, так и на Среднем Востоке, на суше и в воздухе, а также что в связи с битвой за Атлантику, от исхода которой зависит наша жизнь, и в связи с проводкой всех наших конвоев, за которыми охотятся подводные лодки и самолеты «Фокке-Вульф», наши военно-морские силы, хотя они и велики, напряжены до крайнего предела.

Однако если говорить о какой-либо помощи, которую мы могли бы оказать быстро, то нам следует обратить наши взоры на Север. Военно-морской штаб в течение прошедших трех недель подготавливал операцию, которую должны провести самолеты, базирующиеся на авианосцы, против германских судов в Северной Норвегии и Финляндии, надеясь таким образом лишить врага возможности перевозить войска морем для нападения на Ваш фланг в Арктике. Мы обратились к Вашему Генеральному Штабу с просьбой удержать русские суда от плавания в известном районе между 28 июля и 2 августа, когда мы надеемся нанести удар. Во-вторых, мы направляем теперь же некоторое число крейсеров и эсминцев к Шпицбергену, откуда они будут иметь возможность совершать нападения на неприятельские пароходы сообща с Вашими военно-морскими силами. В-третьих, мы посылаем подводные лодки для перехвата германских транспортов вдоль арктического побережья, хотя при постоянном дневном свете такие операции особенно опасны. В-четвертых, мы посылаем минный заградитель с различными грузами в Архангельск. Это самое большое, что мы в силах сделать в настоящее время. Я хотел бы, чтобы можно было сделать больше. Умоляю Вас сохранить это в строжайшей тайне до того момента, когда мы сообщим Вам, что огласка не принесет вреда.

Норвежской легкой дивизии не существует, и было бы невозможно при постоянном дневном свете, не обеспечив заранее достаточного прикрытия со стороны самолетов-истребителей, высадить войска, будь то британские или русские, на занятую немцами территорию. Мы познали горечь неудач в Намсосе в прошлом году и на Крите в этом году, пытаюсь осуществить подобные операции.

Мы также изучаем в качестве дальнейшего шага возможность базирования на Мурманск нескольких эскадрилий британских самолетов-истребителей. Для этого понадобилось бы на первых порах партия зенитных орудий, кроме наземного личного состава и оборудования, а вслед за тем прибыли бы самолеты, причем некоторые из них могли бы подняться с авианосцев, а другие доставлялись бы в ящиках. Когда они обоснуются, наша эскадра из Шпицбергена могла бы, возможно, прибыть в Мурманск. Мы уверены, что, как только станет известно о присутствии наших военно-морских сил на Севере, немцы немедленно прибегнут к своему неизменному методу противопоставления нашим вооруженным силам крупных сил пикирующих бомбардировщиков, и поэтому необходимо действовать постепенно. На все это, однако, потребуется несколько недель.

Прошу предложить не колеблясь что-либо другое, о чем Вам придет мысль. Мы же в свою очередь будем тщательно искать другие способы нанести удар по нашему общему врагу».

* * *

На протяжении всей войны я всячески старался путем частого обмена личными телеграммами создать такие же дружественные отношения, какие сложились у меня с президентом Рузвельтом. За время этой длительной переписки с Москвой меня не раз осаживали и только изредка удостаивали добрым словом. Во многих случаях на мои телеграммы вовсе не отвечали или же ответ задерживался на много дней.

Советское правительство полагало, что русские оказывают нам огромную услугу, сражаясь в своей собственной стране за свою собственную жизнь. И чем дольше они сражались, тем в большем долгу они нас считали. Это была не беспристрастная точка зрения. Два или три раза за время этой длительной переписки мне приходилось протестовать в резких выражениях, в особенности против скверного обращения с нашими моряками, которые подвергались стольким опасностям, доставляя предметы снабжения войск в Мурманск и в Архангельск.

Кроме того, камнем преткновения являлась позиция России в отношении Польши. Нападение немцев на Россию не явилось неожиданностью для польских кругов за границей. Начиная с марта 1941 года польское правительство в Лондоне получало сведения от польского подполья о сосредоточении германских войск на западных границах России. В случае войны неизбежно должны были произойти коренные перемены в отношениях между Советской Россией и польским правительством в эмиграции. Прежде всего встал бы вопрос о том, в какой мере могли бы быть пересмотрены относящиеся к Польше статьи пакта Молотова – Риббентропа, заключенного в августе 1939 года.

5 июля 1941 года в Лондоне при посредничестве Англии начались переговоры между двумя правительствами. Польшу представлял премьер-министр ее правительства в эмиграции генерал Сикорский, Россию – советский посол Майский. У поляков было две цели – добиться признания Советским правительством, что раздел Польши, учиненный Германией и Россией в 1939 году, является теперь недействительным, а также освобождения Россией всех польских военнопленных и гражданских лиц, вывезенных в Советский Союз после оккупации Россией восточных районов Польши.

Эти переговоры продолжались весь июль и происходили в атмосфере холодности. Русские упорно отказывались взять на себя какое-либо определенное обязательство, которое отвечало бы пожеланиям поляков. Россия считала, что вопрос о ее западных границах не подлежит обсуждению. Можно ли было положиться на то, что она честно поступит в этом вопросе, когда закончатся военные действия в Европе, – что произойдет, быть может, в отдаленном будущем?

Английское правительство с самого начала было поставлено перед дилеммой. Наше вступление в войну с Германией явилось прямым результатом наших гарантий Польше. Мы были обязаны поддерживать интересы нашего первого союзника. На этой стадии борьбы мы не могли признать законной оккупацию русскими польской территории в 1939 году. В это лето 1941 года, менее чем через две недели после того, как Россия оказалась на нашей стороне в борьбе против Германии, мы не могли заставить нашего нового союзника, очутившегося в большой опасности, отказаться хотя бы на бумаге от пограничных областей, которые он на протяжении ряда поколений считал жизненно важными для своей безопасности.

Положение было безвыходным. Вопрос о будущей судьбе польских территорий необходимо было отложить до лучших времен. На нас лежала неприятная обязанность рекомендовать генералу Сикорскому положиться на добросовестность Советского Союза при будущем урегулировании русско-польских отношений и не настаивать в данный момент на каких-либо письменных гарантиях относительно будущего.

30 июля, после многих ожесточенных споров, между польским и русским правительствами было достигнуто соглашение. Дипломатические отношения были восстановлены, и на русской территории должна была быть создана польская армия, подчиненная советскому Верховному Командованию. О границах не было упомянуто, если не считать общего заявления о том, что советско-германские договоры от 1939 года относительно территориальных изменений в Польше «утратили свою силу». В официальной ноте польскому правительству от 30 июля министр иностранных дел изложил нашу точку зрения:

«В связи с подписанием сегодня советско-польского соглашения я хочу воспользоваться случаем, чтобы поставить вас в известность, что в соответствии с условиями соглашения о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей от 25 августа 1939 года правительство его величества в Соединенном Королевстве не брало на себя никаких обязательств в отношении Союза Советских Социалистических Республик, которые затрагивали бы отношения между СССР и Польшей. Я хочу также заверить вас, что правительство его величества не признает никаких территориальных изменений, произведенных в Польше после августа 1939 года».

Иден процитировал эту ноту в тот же день в палате общин и добавил:

«В параграфе 1 советско-польского соглашения говорится, что Советское правительство признает утратившими силу советско-германские договоры 1939 года о территориальных изменениях в Польше. Позиция правительства его величества в этом вопросе была уже в общих чертах изложена премьер-министром в палате общин 5 сентября 1940 года, когда он заявил, что правительство его величества не намерено признавать какие-либо территориальные изменения, происшедшие без добровольного согласия заинтересованных сторон. Это относится и к тем территориальным изменениям, которые были произведены в Польше после августа 1939 года, о чем я соответственно уведомил польское правительство в своей официальной ноте».

Этим дело и кончилось. В течение осени поляки были заняты тяжелой задачей – собрать тех своих соплеменников, которым удалось выжить в концентрационных лагерях Советского Союза.

* * *

Мы приветствовали вступление России в войну, но немедленной пользы нам оно не принесло: более года после этого Россия нам казалась обузой, а не подспорьем. Действительно, вступление русских в войну отвлекло немецкую авиацию от налетов на Великобританию и уменьшило угрозу вторжения. Оно значительно облегчило наше положение на Средиземном море.

Однако, с другой стороны, мы были вынуждены пойти на тяжелые жертвы и лишения. Мы только-только начали как следует вооружаться. Наши военные заводы наконец-то стали в больших количествах производить всевозможные виды вооружения. Наши армии в Египте и Ливии вели тяжелые бои и требовали вооружения самых последних образцов, прежде всего танков и самолетов. Английские армии, находившиеся в метрополии, с нетерпением ожидали давно обещанного современного, непрерывно усложнявшегося вооружения, и оно наконец-то стало поступать к ним в большом количестве.

И вот в этот самый момент мы были вынуждены поступиться очень значительным количеством нашего вооружения и жизненно важных материалов всевозможного рода, включая каучук и нефть. На нас пало бремя организации конвоев судов для перевозки английских и в еще большей степени американских поставок и доставки этих конвоев в Мурманск и Архангельск, несмотря на все опасности и тяготы плавания в этих арктических водах.

По мере того как наступала осень и приближался решающий кризис на русском фронте, советские требования к нам делались все более настойчивыми. Нам пришлось пойти на непри-

ятный риск: поставить под удар свою собственную безопасность и свои планы ради нашего нового союзника – угрюмого, ворчливого, жадного и еще так недавно безразлично относившегося к тому, выживем мы или нет.

Тем не менее мы собрали максимум того, что было в наших силах, и согласились на переадресование очень значительной доли необходимых нам самим американских поставок ради того, чтобы внести эффективный вклад в дело обороны Советов. 28 августа я предложил своим коллегам направить в Москву лорда Бивербрука. Члены кабинета охотно согласились, чтобы он обсудил этот вопрос со Сталиным, а президент Рузвельт считал, что его хорошо сможет представлять Гарриман.

Поэтому я информировал лорда Бивербрука:

*«Премьер-министр – лорду Бивербруку.
30 августа 1941 года.*

Я хочу, чтобы вы отправились в Москву вместе с Гарриманом, чтобы договориться о долгосрочных поставках русским армиям. Это можно осуществить почти исключительно за счет американских ресурсов, хотя у нас имеется каучук, сапоги и т. д. Необходимо сделать большой новый заказ в Соединенных Штатах. Темпы поставок, разумеется, лимитируются портами и недостатком судов. Когда весной будут проложены вторые пути узкоколейной дороги от Басры к Каспийскому морю, эта дорога станет важным путем подвоза. Наш долг и наши интересы требуют оказания всей возможной помощи русским, даже ценой серьезных жертв с нашей стороны. Однако мы не сможем ее предоставить в большом масштабе до середины или до конца 1942 года, а основные планы придется отнести к 1943 году. Ваша задача будет состоять в том, чтобы не только содействовать разработке планов оказания помощи России, но также обеспечить, чтобы мы сами не были при этом обескровлены; и даже если вы окажетесь под влиянием атмосферы в России, то я здесь, в Англии, буду совершенно непреклонен. Я, однако, уверен, что вы самый подходящий человек для этого дела, а чутье широкой публики уже это санкционировало».

В качестве предварительного сообщения об этой миссии я обрисовал положение в общих чертах в письме к Сталину от 30 августа 1941 г.:

«Я стремился найти какой-либо путь для оказания помощи Вашей стране в ее великолепном сопротивлении впредь до осуществления рассчитанных на более длительный период мероприятий, по поводу которых мы ведем переговоры с Соединенными Штатами Америки и которые послужат предметом Московского совещания. Г-н Майский заявил, что испытывается сильная нужда в самолетах-истребителях ввиду Ваших тяжелых потерь. Мы ускоряем отправку 200 самолетов „Томагавк“, о которых я телеграфировал в своем последнем послании. Наши две эскадрильи в составе 40 „Харрикейнов“ должны прибыть в Мурманск около 6 сентября.

Вы понимаете, я уверен, что самолеты-истребители составляют основу обороны метрополии. Кроме того, мы стремимся достичь преобладания в воздухе в Ливии, а также снабдить Турцию, с тем чтобы привлечь ее на нашу сторону. Тем не менее я мог отправить еще 200 «Харрикейнов», что составило бы в общей сложности 440 истребителей, если бы ваши пилоты могли эффективно их использовать. Речь идет о самолетах «Харрикейн», вооруженных восемью – двенадцатью пулеметами. Мы нашли, что эти самолеты весьма смертоносны в действии. Мы могли бы послать в Архангельск 100 штук теперь и вскоре вслед за тем две партии по 50 штук вместе

с механиками, инструкторами, запасными частями и оборудованием. Тем временем могли бы быть приняты меры, чтобы начать ознакомление Ваших пилотов и механиков с новыми моделями, если Вы их прикомандируете к нашим эскадрильям в Мурманске. Если Вы сочтете, что это принесет пользу, соответственные распоряжения будут даны отсюда; исчерпывающая объяснительная записка по техническим вопросам передается по телеграфу через нашу авиационную миссию...»

* * *

Вечером 4 сентября меня посетил Майский, чтобы передать ответ Сталина. Это было его первое личное послание после июля:

«Приношу благодарность за обещание, кроме обещанных раньше 200 самолетов-истребителей, продать Советскому Союзу еще 200 истребителей. Не сомневаюсь, что советским летчикам удастся освоить их и пустить в дело.

Должен, однако, сказать, что эти самолеты, которые, как видно, могут быть пущены в дело не скоро и не сразу, а в разное время и отдельными группами, не смогут внести серьезных изменений на восточном фронте. Они не смогут внести серьезных изменений не только вследствие больших масштабов войны, требующих непрерывной подачи большого количества самолетов, но главным образом потому, что за последние три недели положение советских войск значительно ухудшилось в таких важных районах, как Украина и Ленинград.

Дело в том, что относительная стабилизация на фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на восточный фронт свежих 30–34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов, а также вследствие большой активизации 20 финских дивизий и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан.

В итоге мы потеряли больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда. Эти обстоятельства привели к тому, что мы потеряли Криворожский железорудный бассейн и ряд металлургических заводов на Украине, эвакуировали один алюминиевый завод на Днепре и другой алюминиевый завод в Тихвине, один моторный и два самолетных завода на Украине, два моторных и два самолетных завода в Ленинграде, причем эти заводы могут быть приведены в действие на новых местах не ранее как через семь-восемь месяцев.

Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой.

Здесь уместен вопрос: каким образом выйти из этого более чем неблагоприятного положения?

Я думаю, что существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30–40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к

началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних).

Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом.

Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать? Опыт научил меня смотреть в глаза действительности, как бы она ни была неприятной, и не бояться высказать правду, как бы она ни была нежелательной».

Советский посол, которого сопровождал Иден, беседовал со мной полтора часа. Он с горечью подчеркнул, что в течение последних одиннадцати недель Россия фактически одна выносит на своих плечах всю тяжесть немецкого натиска. Русские армии отражают нападение невиданных масштабов. Он сказал, что не хотел бы прибегать к драматическим выражениям, но это может явиться поворотным пунктом истории. Если Советская Россия будет побеждена, каким образом мы сможем выиграть войну? Майский в волнующих выражениях подчеркнул исключительную тяжесть кризиса, создавшегося на русском фронте, и его слова вызвали у меня сочувствие. Но когда я вдруг почувствовал в его призыве о помощи скрытую угрозу, я рассердился.

Я сказал послу, которого знал много лет: «Вспомните, что еще четыре месяца назад мы, на нашем острове, не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас».

Так как я разгорячился, говоря об этом, то посол воскликнул: «Пожалуйста, спокойнее, мой дорогой господин Черчилль!»

Но после этого его тон заметно изменился.

Дальнейшая часть нашей беседы была посвящена вопросам, уже затрагивавшимся в телеграфной переписке. Посол просил о немедленной высадке на побережье Франции или Нидерландов. Я изложил те военные соображения, по которым это было невозможно, а также объяснил, что это не принесло бы облегчения России. Наконец мы с Иденом сказали ему, что мы со своей стороны готовы дать финнам ясно понять, что мы объявим им войну, если они продвинутся в Россию далее своих границ 1918 года.

Майский не мог, разумеется, отказаться от своего призыва о немедленном открытии второго фронта, и дальнейшие споры по этому поводу были бесполезны.

* * *

Я немедленно проконсультировался с кабинетом по поводу вопросов, затронутых в этой беседе, и в тот же вечер отправил ответ Сталину (6 сентября 1941 г.):

«1. Я сразу же отвечаю в духе Вашего послания. Хотя мы не остановились бы ни перед какими усилиями, в настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта.

Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции. Я хочу, если Ваше Превосходительство того пожелает, изложить Вам все те основания, которые привели начальников штабов к такому заключению. Эти основания уже были обсуждены сегодня с Вашим Послом на особом совещании, в котором приняли участие я и начальники штабов. Акция, ведущая лишь к дорогостоящей неудаче, – как бы похвальны ни были ее мотивы – может быть полезна только Гитлеру.

2. Информация, имеющаяся в моем распоряжении, создает у меня впечатление, что германское вторжение уже миновало высшую точку своего напряжения, ибо зима принесет Вашим героическим армиям передышку (это, однако, мое личное мнение).

3. По вопросу о снабжении. Мы прекрасно сознаем тяжелые потери, понесенные русской промышленностью, и приложим все усилия к тому, чтобы Вам помочь. Я телеграфирую Президенту Рузвельту с целью ускорить прибытие сюда, в Лондон, миссии Гарримана, и мы попытаемся еще до Московской конференции сообщить Вам о количестве самолетов и танков, которые мы совместно обещаем Вам посылать ежемесячно вместе с поставками резины, алюминия, сукна и прочего. Со своей стороны мы готовы посылать Вам из британской продукции половину того ежемесячного количества самолетов и танков, которые Вы просите. Мы надеемся, что США будут удовлетворять вторую половину Ваших потребностей. Мы приложим все усилия к тому, чтобы начать Вам отправку снабжения немедленно.

4. Мы уже отдали приказы о снабжении персидской железной дороги подвижным составом, с тем чтобы поднять ее нынешнюю пропускную способность с двух поездов в каждую сторону в сутки до ее полной пропускной способности, а именно до 12 поездов в каждую сторону в сутки. Это будет достигнуто к весне 1942 года, до какового срока пропускная способность будет постепенно увеличиваться. Паровозы и вагоны из Англии будут посылаться вокруг мыса Доброй Надежды после переоборудования их на нефтяное топливо. Вдоль железной дороги будет развита система водоснабжения. Первые 48 паровозов и 400 вагонов вот-вот должны быть отправлены.

5. Мы готовы выработать с Вами совместные планы. Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть. По всей вероятности, можно будет оказать Вам содействие на Крайнем Севере, когда там наступит полярная ночь. Мы надеемся довести наши армии на Среднем Востоке до трех четвертей миллиона человек к концу этого года и затем до миллиона к лету 1942 года. Как только германо-итальянские силы будут уничтожены в Ливии, эти войска смогут включиться в фронт на Вашем южном фланге и, как можно надеяться, повлиять на Турцию в смысле соблюдения ею по крайней мере честного нейтралитета. Тем временем мы будем продолжать бомбардировать Германию с воздуха с возрастающей силой, будем также держать моря открытыми и бороться за свою жизнь.

6. В первом абзаце Вашего послания Вы употребили слово «продать». Мы не смотрим на дело с этой точки зрения и никогда не думали об уплате. Было бы лучше, если бы всякая помощь, оказанная Вам нами, покоилась на той же самой базе товарищества, на какой построен американский закон о займе-аренде, то есть без формальных денежных расчетов. Мы охотно готовы оказать в полную меру наших сил всяческое давление на Финляндию, включая

немедленное официальное уведомление ее, что мы объявим ей войну, если она пойдет дальше своих старых границ. Мы просим также США предпринять все возможные шаги, чтобы повлиять на Финляндию».

* * *

15 сентября я получил еще одну телеграмму от Сталина:

«Я изложил в своем последнем послании мнение Правительства СССР о создании второго фронта как основного средства улучшения нашего общего дела. В ответ на Ваше послание, где Вы вновь подчеркиваете невозможность создания в данный момент второго фронта, я могу лишь повторить, что отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов.

Я не сомневаюсь, что Английское Правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей для достижения этой цели. Если создание второго фронта на Западе в данный момент, по мнению Английского Правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии.

Приношу благодарность за обещание ежемесячной помощи со стороны Англии алюминием, самолетами и танками.

Я могу лишь приветствовать, что Английское Правительство думает оказать эту помощь не в порядке купли-продажи самолетов, алюминия и танков, а в порядке товарищеского сотрудничества.

Надеюсь, что Английское Правительство получит немало случаев убедиться в том, что Правительство СССР умеет достойным образом оценить помощь своего союзника...»

19 сентября я отправил на это послание самый лучший ответ, какой только мог:

«1. Очень благодарен за Ваше послание. Миссия Гарримана прибыла в полном составе и занята работой с утра до вечера с лордом Бивербруком и его сотрудниками. Целью является изучение всего вопроса о ресурсах с тем, чтобы можно было выработать сообща с Вами конкретную программу месячных поставок по всем имеющимся маршрутам и тем самым оказать Вам по возможности помощь в возмещении ущерба, причиненного Вашей военной промышленности. По идее Президента Рузвельта этот первый план должен охватить период до конца июня, но мы, естественно, будем продолжать оказывать Вам помощь до достижения победы. Я надеюсь, что совещание может открыться в Москве 25-го сего месяца, но это не должно предаваться гласности до тех пор, пока все участники не прибудут благополучно к месту назначения. О маршрутах и средствах передвижения будет сообщено позже.

2. Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь

американцев с их энергией и организационными способностями. Лорд Бивербрук сможет объяснить весь план снабжения и перевозок: он находится в самых дружественных отношениях с г-ном Гарриманом.

3. Все возможные театры войны, на которых мы бы могли осуществить военное сотрудничество с Вами, были подвергнуты рассмотрению со стороны штабов. Наиболее благоприятные возможности представляются, несомненно, на обоих флангах – на северном и южном. Если бы мы могли действовать с успехом в Норвегии, то это оказало бы сильное влияние на позицию Швеции, но в настоящее время мы не располагаем ни военными силами, ни судовым тоннажем для осуществления этого проекта. Что касается Юга, то значение Турции чрезвычайно велико: если можно заручиться помощью Турции, то в нашем распоряжении окажется добавочная мощная армия. Турция хотела бы присоединиться к нам, но боится, и не без основания. Возможно, что, обещая ей помощь значительными британскими вооруженными силами и поставку технических средств, в которых Турция испытывает недостаток, можно оказать на нее решающее влияние. Мы изучим с Вами любую другую форму действенной поддержки, ибо единственная цель заключается в том, чтобы привести в действие против общего врага максимальные силы...».

* * *

Два обстоятельства определяли теперь наши отношения с Советским Союзом. Первым был неопределенный, неудовлетворительный ход наших консультаций по военным вопросам, вторым – требование русских о разрыве наших отношений с сателлитами держав оси – Финляндией, Венгрией и Румынией. Как мы видели, во время совещаний, состоявшихся незадолго перед тем в Москве, в первом направлении было мало что сделано.

Вопрос о разрыве нами отношений с Финляндией был впервые поднят Майским в его беседе со мной 4 сентября. Я знал, что русские придерживаются совершенно определенной точки зрения на этот счет. Финны воспользовались нападением Германии на Россию, чтобы возобновить в июле 1941 года военные действия на Карельском фронте.

Они надеялись вернуть территории, которых они лишились по Московскому договору в предыдущем году. Их военные операции осенью 1941 года представляли серьезную угрозу не только для Ленинграда, но также и для линий снабжения из Мурманска и Архангельска к русско-германскому фронту.

Начиная с августа и американское правительство, и мы сами в суровых выражениях предостерегали финнов насчет возможных последствий такого положения. Финны заявляли, что нуждаются в спорной провинции Восточной Карелии для обеспечения своей собственной безопасности от России, и события двух предыдущих лет подкрепляли их точку зрения. Однако теперь, когда Россия вела с Германией войну не на жизнь, а на смерть, союзники явно не могли допустить, чтобы Финляндия, действуя как сателлит Германии, перерезала главные северные линии коммуникаций России с Западом.

Положение Румынии было аналогично положению Финляндии. В июне 1940 года русские оккупировали румынскую провинцию Бессарабия, приобретя тем самым контроль над устьем Дуная. Теперь под руководством маршала Антонеску и в союзе с Германией румынские армии не только снова заняли Бессарабию, но и глубоко вклинились в черноморские области России, подобно тому, как финны делали это в Восточной Карелии. Венгры, занимавшие ключевую позицию на коммуникациях Центральной и Юго-Восточной Европы, также оказывали прямую помощь военным усилиям Германии.

Но я отнюдь не был уверен в том, что объявление войны будет правильным выходом из положения. Оставалась еще возможность, что под нажимом Соединенных Штатов и Великобритании Финляндия согласится на справедливые и разумные мирные условия. Во всяком случае, что касается Румынии, были все основания считать, что диктаторский режим Антонеску не вечен. Поэтому я решил снова поставить перед маршалом Сталиным вопрос о военном планировании и сотрудничестве и о том, чтобы избежать объявления войны этим сателлитам держав оси.

12 октября 1941 г. я отправил ему письмо:

«...Мы сообщали Вам в моем послании от 6 сентября, что мы готовы объявить войну Финляндии. Прошу Вас, однако, обсудить, будет ли действительно целесообразно объявление Великобританией войны Финляндии, Венгрии и Румынии в настоящий момент. Это было бы лишь формальностью, ибо наша широкая блокада уже действует против них. Мои соображения говорят против этого потому, что, во-первых, у Финляндии много друзей в Соединенных Штатах, и было бы более благоразумным принять во внимание этот факт.

Во-вторых, что касается Румынии и Венгрии, то эти страны полны наших друзей; Гитлер подавил их и воспользовался ими как слепым орудием. Но если счастье обратится против этого головореза, то они легко смогут снова перейти на нашу сторону. Объявление войны Великобританией оттолкнуло бы их и вызвало бы впечатление, как будто Гитлер является главой грандиозного европейского союза, сплоченно противостоящего нам. Прошу не подумать, что мы сомневаемся в пользе этого шага из-за недостатка рвения или товарищеского отношения. Наши доминионы, за исключением Австралии, против этого. Тем не менее, если Вы сочтете, что это было бы действительной помощью для Вас и имело бы смысл, я снова поставлю этот вопрос перед кабинетом.

Я надеюсь, что наши поставки вывозятся из Архангельска с такой же быстротой, как они туда поступают. Небольшой грузопоток начинает теперь также идти через Персию. Мы будем перекачивать наши поставки по обоим путям, напрягая до предела все свои усилия. Прошу Вас обеспечить, чтобы наши техники, следующие с танками и самолетами, имели бы полную возможность передать это вооружение Вашим людям при наилучших условиях. В настоящее время наша миссия в Куйбышеве оторвана от этих дел. Она хочет лишь помочь. Мы отправляем это вооружение с риском для себя, и мы весьма желали бы, чтобы оно использовалось самым лучшим образом. Вероятно, необходимо Ваше распоряжение...»

Сталин ответил мне 8 ноября 1941 г.:

«...Относительно объявления войны Финляндии, Венгрии и Румынии со стороны Великобритании создается, мне кажется, нетерпимое положение. Советское Правительство поставило этот вопрос перед Правительством Великобритании в секретном дипломатическом порядке. Неожиданно для СССР весь этот вопрос, начиная от обращения Советского Правительства к Правительству Великобритании вплоть до рассмотрения этого вопроса Правительством США, вынесен в печать и обсуждается в печати, дружественной и вражеской, вкривь и вкось. И после всего этого Правительство Великобритании заявляет о своем отрицательном отношении

к нашему предложению. Для чего все это делается? Неужели для того, чтобы демонстрировать разлад между СССР и Великобританией?..

Можете не сомневаться, что нами принимаются все меры к тому, чтобы поступающее из Англии в Архангельск вооружение своевременно доставлялось по месту назначения. То же будет сделано и в отношении Ирана. Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде».

Ответ Сталина свидетельствовал о том, что при нынешних настроениях русских лидеров чисто военные переговоры дали бы мало конкретных результатов.

* * *

...Вопрос об открытии второго фронта продолжал оставаться главной проблемой в наших отношениях с Советами и весь следующий год. При всем нашем желании мы не могли наметить какой-то осуществимый план форсирования Ла-Манша силами крупной англо-американской армии и высадки во Франции раньше конца лета 1943 года.

Вечером 14 апреля 1942 г. комитет обороны собрался вместе с нашими американскими друзьями на Даунинг-стрит, 10. Это обсуждение казалось настолько важным, что я заранее попросил генерала Исмея лично вести протокол, который приводится ниже.

«Генерал Маршалл сказал, что все целиком согласны относительно того, что должно быть предпринято в 1943 году, и относительно развертывания сильнейшего воздушного наступления против Германии... Вопрос о наличии войск не представляет проблемы.

Основной трудностью будет обеспечение необходимого тоннажа десантных судов, самолетов и морских эскортов.

В ходе его переговоров с английскими начальниками штабов выявились два пункта, вызывающие сомнения. Первый из них – это вопрос о том, можно ли будет получить из США достаточно материалов для поддержания Среднего Востока и Индии; второй вопрос – о том, насколько целесообразна высадка на континенте в 1942 году, выходящая за рамки рейда крупных масштабов. Возможно, что мы будем вынуждены предпринять это, и во всяком случае мы должны к этому подготовиться. По его мнению, трудности не будут неразрешимыми, так как у нас будет большая степень господства в воздухе.

Масштабы наших объединенных программ самолетостроения показывают, что так и будет, в особенности учитывая, что германская кампания против России поглотит крупные ресурсы и, следовательно, сократит рискованность наших операций. Таким образом, именно немцам придется попробовать, что значит драться без поддержки с воздуха. У него было немного времени перед отъездом из Соединенных Штатов, чтобы изучить проблему операций в 1942 году, но на основании имеющихся данных он пришел к выводу, что они не могут быть предприняты раньше сентября. Если бы их пришлось предпринять раньше, американский вклад был бы скромным; однако независимо от того, какими станут американские силы здесь к тому времени, они смогут быть использованы полностью. Президент особенно подчеркнул, что он хотел бы, чтобы его вооруженные

силы участвовали в максимально возможной степени во всем том, что может быть предпринято.

Сэр Аллан Брук сказал, что начальники штабов полностью согласны с ним по поводу осуществления этого проекта в 1943 году. Операции на континенте в 1942 году зависят от того, какого успеха добьются немцы в своей кампании против России. Мы считаем, что до сентября дело достигнет решающей стадии.

Начальники штабов полностью согласны с тем, что главный враг – Германия.

В то же время необходимо сдерживать японцев и не давать им соединиться с немцами. Если бы японцы добились контроля над Индийским океаном, это не только создало бы серьезную угрозу Среднему Востоку, но мы потеряли бы также нефтяные поставки из района Персидского залива. В результате Германия получила бы всю потребную ей нефть, южный путь в Россию был бы перерезан, Турция оказалась бы изолированной и беззащитной, немцы получили бы свободный доступ в Черное море, а Германия и Япония были бы в состоянии обмениваться товарами, в которых они так сильно нуждаются.

Затем я добавил, что в течение ближайших двух-трех месяцев мы не в состоянии справиться без помощи с флотом, который японцы могут развернуть в Индийском океане. В то время нам не были известны в точности намерения Соединенных Штатов, касавшиеся действий флота и операций на Тихом океане... Главное, что необходимо в этом районе, это добиться превосходства над японцами в авиации, базирующейся на авианосцы. Мы сами в очень скором времени будем иметь в Индийском океане три авианосца, и к ним, возможно, присоединится со временем «Фьюриес».

Гопкинс сказал, что если бы общественное мнение в Америке настояло на своем, то все американские усилия были бы направлены против Японии. Тем не менее, серьезно обсудив положение, президент и американские военные руководители решили, что правильно будет направить силу американского оружия против Германии. Однако не надо думать, что у американского правительства существует неправильное представление о положении на Среднем Востоке и на всех остальных важнейших фронтах, таких, как Россия, Австралия и Тихий океан. Американское решение продиктовано двумя основными соображениями. Во-первых, Соединенные Штаты хотят сражаться не только на море, но также на суше и в воздухе. Во-вторых, они желают сражаться там, где это будет наиболее полезно, и там, где они могут добиться превосходства, а самое главное, они стремятся участвовать в каких-либо действиях вместе с англичанами.

Если бы такого рода действия были начаты в этом году, Соединенные Штаты хотели бы внести максимально возможный вклад, независимо от того, когда такие действия будут предприняты. Предлагая сентябрь в качестве самой ранней даты перехода к действию, они в значительной степени исходили из опасения, что будут содействовать мероприятию, в котором они не смогут сыграть надлежащую роль... Что касается Австралийского и других театров военных действий, то Соединенные Штаты, безусловно, выполняют свои обязательства, но все их помыслы будут полностью захвачены предлагаемым сейчас великим планом. Американская нация стремится принять участие в борьбе плечом к плечу с англичанами.

Сэр Чарльз Портал (начальник штаба военно-воздушных сил) сказал, что необходимо не забывать о разнице между военно-воздушными операциями по ту сторону Ла-Манша и высадкой экспедиционных сил. Первые можно продолжать или прекращать по желанию. Однако во втором случае мы не смогли бы по собственному желанию продолжать или перестать действовать. Нам придется продолжать действия авиации в течение всего того времени, пока войска будут на континенте. Поэтому, если мы высадим экспедиционные войска, мы должны быть уверены в том, что ресурсы авиации достаточны для того, чтобы операцию можно было довести до конца.

В заключение я сказал, что, хотя еще остается разработать детали плана (вторжения через Ла-Манш в 1943 году), налицо полное единодушие в отношении основ плана. Обе нации пойдут вперед плечом к плечу, объединенные благородным братством по оружию».

План был назван, хотя и не мною, «Раундап».

* * *

Теперь разрешите мне изложить мою собственную точку зрения, которая оставалась неизменной, на то, что было решено в то время и что, по моему мнению, следовало предпринять.

Планируя гигантское мероприятие 1943 года, мы не могли отложить в сторону все остальные обязанности. Нашим первым обязательством перед империей была защита Индии от японского вторжения, которое ей, казалось, уже угрожало. К тому же эта задача была решающим образом связана со всей войной. Покинуть на произвол судьбы 400 миллионов индийских подданных его величества, защищать которых обязывало нас чувство чести, дать им подвергнуться опустошениям и захвату японцами, так, как это было с Китаем, было бы позорно. Точно так же допустить, чтобы немцы и японцы подали друг другу руку в Индии или на Северном Востоке, было бы неизмеримой катастрофой для дела союзников. По значению я признавал ее почти равносильной отступлению Советской России за Урал или даже заключению ею сепаратного мира с Германией. В то время я не считал вероятным ни то ни другое. Я верил в силу русских армий и русской нации, защищавших свою родную землю. Однако наша индийская империя со всей ее славой могла оказаться легкой добычей.

Мне пришлось изложить эту точку зрения американским посланцам. Без активной английской помощи Индия могла быть завоевана в течение нескольких месяцев. Порабощение Гитлером Советской России было бы гораздо более затяжной и более дорогостоящей для него задачей. Прежде чем она могла быть осуществлена, англо-американцы установили бы свое неоспоримое господство в воздухе. Если бы даже все остальное сорвалось, это господство сыграло бы в конечном счете решающую роль.

Я был полностью согласен с планом, как выражался Гопкинс, «лобового натиска на противника в Северной Франции в 1943 году». Но что нужно было сделать в этот промежуток времени? Главные армии не могли просто заниматься лишь подготовкой в течение всего этого периода. В этом вопросе мнения сильно расходились. Генерал Маршалл предложил, что нам следует попытаться захватить Брест или Шербур, предпочтительнее последний, или даже оба эти порта ранней осенью 1942 года. Операция была бы почти целиком английской. Мы должны были дать для нее флот, авиацию, две трети войск и те десантные суда, какие имелись бы в наличии. Для этого могли быть выставлены только две-три американские дивизии. Нужно напомнить, что эти дивизии были созданы совсем недавно. Требуются минимум два года и весьма сильные профессиональные кадры для того, чтобы создать первоклассные войска.

Следовательно, это было бы мероприятием, на которое решающее влияние должно оказать, конечно, мнение английского штаба. Ясно, что требовалось углубленное техническое изучение проблемы.

Тем не менее я отнюдь не отверг эту идею с самого начала, но мои помыслы занимали другие альтернативы. Одной из них был десант во Французской Северо-Западной Африке (Марокко, Алжир и Тунис), в то время известный под названием «Джимнаст», а в конечном счете превратившийся в великую операцию «Торч». У меня был второй альтернативный план, к которому я всегда стремился и который, по моему мнению, можно было предпринять так же, как и вторжение во Французскую Северную Африку. Это был «Юпитер» – план освобождения Северной Норвегии. Это было бы прямой помощью России.

Это был единственный метод организации прямой комбинированной военной операции, осуществляемой совместно с русскими войсками, кораблями и самолетами. Это было средством, получив северную оконечность Европы, открыть самый широкий путь для потока поставок в Россию. Это было мероприятие, которое, поскольку оно было бы осуществлено в арктических районах, не потребовало бы ни крупных воинских контингентов, ни большого расхода снаряжения и боеприпасов. Немцы получили эти жизненно важные стратегические пункты у Нордкапа по очень дешевой цене. Их можно было бы вернуть также недорогой ценой в сравнении с масштабами, которые к тому времени приняла война. Я лично стоял за «Торч», и, если бы я мог полностью поступить по-своему, я испробовал бы также план «Юпитер» в 1942 году.

Попытка создать плацдарм в Шербуре казалась мне более трудной и менее привлекательной идеей, не столь полезной с точки зрения ближайшего будущего и менее плодотворной в конечном счете. Нам было бы целесообразнее запустить когти нашей правой лапы во Французскую Северную Африку, рвануть левой лапой по Нордкапу и подождать год, не рискуя ломать свои зубы об укрепленный германский фронт по ту сторону Ла-Манша.

Таковы были мои взгляды в то время, и я никогда в них не раскаивался.

* * *

20 мая 1942 года в Лондон прибыл Молотов, утром 22 мая я имел с ним официальную беседу.

Молотов начал с сообщения о том, что Советское правительство поручило ему поехать в Лондон для обсуждения вопроса о создании второго фронта. Цель его визита – выяснить, как рассматривает английское правительство перспективу отвлечения в 1942 году по меньшей мере 40 германских дивизий из СССР, где в данный момент перевес в вооруженных силах принадлежит, по-видимому, немцам.

Отвечая Молотову, я изложил ему суть наших общих взглядов по поводу будущих операций на континенте. Во всех предыдущих войнах контроль на море давал державе, обладавшей им, великое преимущество – возможность высадиться по желанию на неприятельском побережье, поскольку противник был не в состоянии подготовиться во всех пунктах к отражению вторжения с моря. Появление авиации изменило все положение. Например, во Франции, Бельгии и Голландии противник может за несколько часов перебросить свою авиацию к угрозимым пунктам в любой части побережья, а горький опыт показал, что высадка десанта при наличии сильного неприятельского сопротивления в воздухе не является разумным военным предприятием.

Неизбежным последствием этого является то, что значительные участки побережья континента не могут быть использованы нами в качестве мест для высадки войск и судов. Поэтому мы вынуждены изучать свои шансы на высадку в тех районах побережья, где наше превосходство в истребительной авиации дало бы нам контроль в воздухе. По сути дела, наш выбор сводится в Па-де-Кале, оконечности Шербурского полуострова и части района Бреста. Проблема

высадки войск в этом году в одном или нескольких из этих районов изучается, и подготовка ведется. В своих планах мы исходим из предположения, что высадка последовательными эшелонами штурмовых войск вызовет воздушные бои, которые, в случае если они продолжатся неделю или десять дней, приведут к фактическому уничтожению неприятельской авиации на континенте. Когда это будет достигнуто и сопротивление в воздухе ликвидировано, в других пунктах побережья смогут быть высажены десанты под прикрытием нашего превосходящего по силе морского флота.

Критическим моментом в разработке наших планов и в приготовлениях является вопрос о специальных десантных судах, необходимых для осуществления первоначального десанта на весьма сильно обороняемом неприятельском побережье. К несчастью, наши ресурсы в отношении этого специального типа судов в данный момент строго ограничены. Я сказал, что уже в августе прошлого года, во время встречи в Атлантическом океане, я доказал президенту Рузвельту неотложную необходимость постройки Соединенными Штатами как можно большего числа танкодесантных и других десантных судов. Позднее, в январе этого года, президент согласился на то, чтобы Соединенные Штаты предприняли еще большие усилия в деле строительства этих судов. Мы, со своей стороны, на протяжении более чем года выпускаем столько десантных судов, сколько это допускает наша потребность в строительстве судов для военного и торгового флотов, понесших тяжелые потери.

Однако следует иметь в виду два момента. Во-первых, при всем желании и несмотря на все старания маловероятно, чтобы любой шаг, который мы смогли бы предпринять в 1942 году, будь он даже успешным, отвлек с Восточного фронта крупные контингенты неприятельских сухопутных сил. В воздухе, однако, положение другое: на различных театрах военных действий мы уже сковываем около половины истребительной и одну треть германской бомбардировочной авиации. Если наш план навязывания воздушных сражений над континентом окажется успешным, немцы, возможно, столкнутся с необходимостью выбирать между уничтожением в боях всей их истребительной авиации на Западе и отвлечением части своих военно-воздушных сил с Востока.

Второй момент касается предложения г-на Молотова о том, что нашей целью должно быть отвлечение из России не менее 40 германских дивизий (включая те, которые сейчас находятся на Западе). Следует отметить, что в настоящий момент перед нами в Ливии стоят 11 дивизий оси, из которых 3 – германские, в Норвегии – эквивалент 8 германских дивизий и во Франции, Голландии и Бельгии – 25 германских дивизий. Это составляет в общей сложности 44 дивизии.

Но мы этим не удовлетворяемся, и если можно будет предпринять какие-то дальнейшие усилия или разработать план облегчения в этом году бремени, лежащего на России, мы не поколеблемся сделать это при условии, что этот план будет здравым и разумным. Ясно, что ни делу русских, ни делу союзников в целом не принесло бы пользы, если бы, действуя любой ценой только для того, чтобы действовать, мы предприняли операцию, которая кончилась бы катастрофой и дала бы противнику повод для похвальбы, а нас ввергла бы в замешательство.

Молотов сказал, что он не сомневается в том, что Англия искренне желает успеха Советской Армии в боях против немцев этим летом. Каковы же, с точки зрения английского правительства, перспективы на советский успех? Каковы бы ни были его взгляды, он будет рад услышать откровенное выражение мнения – будь то хорошее или плохое.

Я сказал, что без детального знания ресурсов и резервов обеих сторон трудно составить твердое суждение по этому вопросу. В прошлом году военные эксперты, включая германских, думали, что Советскую Армию можно подавить и одолеть. Оказалось, что они полностью ошиблись. В конечном результате советские силы нанесли поражение Гитлеру и чуть не привели его армию к катастрофе. Поэтому союзники России глубоко верят в силу и способности Советской Армии. Данные разведки, которыми располагает английское правитель-

ство, не указывают на то, что немцы сосредоточивают огромные силы на каком-то отдельном участке Восточного фронта. Кроме того, сейчас представляется маловероятным, чтобы широкое наступление, возмещенное на май, произошло раньше июня. Во всяком случае, не похоже на то, чтобы гитлеровское наступление в этом году могло быть таким сильным и таким угрожающим, как наступление 1941 года.

Тогда Молотов спросил, каково будет положение и позиция английского правительства в случае, если Советская Армия не выдержит в течение 1942 года.

Я сказал, что, если бы советская военная мощь серьезно сократилась в результате германского натиска, Гитлер, по всей вероятности, перебросил бы как можно больше войск и авиации на Запад с целью вторжения в Великобританию. Он может также нанести удар на юг через Баку по Кавказу и Персии. Это последнее наступление подвергло бы нас величайшим опасностям, и мы отнюдь не должны быть уверены, что у нас достаточно сил, чтобы его отразить. Поэтому наша судьба связана с сопротивлением Советской Армии. Тем не менее, если вопреки ожиданиям она будет разбита и если наступит самое худшее, мы будем продолжать борьбу дальше. В конечном счете силы Великобритании и Соединенных Штатов взяли бы верх. Но какой трагедией для человечества явилось бы такое затягивание войны! Какие серьезные надежды возлагаются на русскую победу и как горячо стремление к тому, чтобы мы сыграли свою роль в победе над зловредным врагом!

Под конец нашего разговора я попросил Молотова помнить о трудностях вторжения через море. После того как Франция выпала из войны, Великобритания осталась почти оголенной, имея несколько плохо снаряженных дивизий, менее сотни танков и менее 20 полевых орудий. И все же Гитлер не попытался предпринять вторжение в силу того, что он не мог добиться господства в воздухе. Те же трудности стоят перед нами в настоящее время.

* * *

Публичное заявление, которое могло бы внушить немцам опасения и, следовательно, задержать как можно больше их войск на Западе, не причинило бы вреда. Поэтому мы договорились опубликовать коммюнике, обнародованное 11 июня, после возвращения Молотова из Соединенных Штатов, в котором содержалась следующая фраза: «Во время переговоров была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Я считал чрезвычайно важным, чтобы при этой попытке ввести в заблуждение врага мы не ввели в заблуждение нашего союзника. Поэтому в то время, как составлялось коммюнике, я лично вручил Молотову в зале заседаний кабинета в присутствии ряда моих коллег памятную записку, из которой ясно следовало, что, хотя мы делаем все от нас зависящее для разработки планов, мы не связываем себя обязательством действовать и мы не можем дать никакого обещания. Когда в дальнейшем Советское правительство выступало с упреками, и когда Сталин лично ставил передо мной этот вопрос, мы всегда вынимали эту памятную записку и указывали на слова «следовательно, мы не можем дать обещания».

«Памятная записка.

Мы ведем подготовку к высадке на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже объяснялось, основным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных судов. Между тем ясно, что ни для дела русских, ни для дела союзников в целом не было бы полезно, если бы мы, ради действий любой ценой, предприняли какую-либо операцию, которая закончилась бы катастрофой и дала бы противнику удобный случай для похвальбы, а нас ввергла

бы в замешательство. Невозможно сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время. Следовательно, мы не можем дать обещание в этом отношении, но если это окажется здоровым и разумным, мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь».

Разговор со Сталиным в Москве

В августе 1942 года я находился в Каире, откуда 10-го числа вылетел в Москву. Мне предстояла неприятная обязанность сообщить Сталину, что второго фронта в Европе в этом году не будет. В мою группу, которая разместилась в трех самолетах, входили теперь генерал Уэйвелл (который говорил по-русски), маршал авиации Тендер и сэр Александр Кадоган. Аверелл Гарриман находился в одном самолете со мной. К рассвету мы приближались к горам Курдистана.

По прибытии в Тегеран меня встретил посланник его величества сэр Ридер Буллард. На следующее утро, в среду 12 августа, мы вылетели в 6 часов 30 минут утра.

Я размышлял о своей миссии в это угрюмое, злоеющее большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: «Не будет второго фронта в 1942 году».

Это было все равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс. Тем не менее я был уверен, что я обязан лично сообщить им факты и поговорить обо всем этом лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и посредников. Это, по крайней мере, показывало, что об их судьбе заботятся и понимают, что означает их борьба для войны вообще. Мы всегда ненавидели их безнравственный режим, и если бы германский цеп не нанес им удара, они равнодушно наблюдали бы, как нас уничтожают, и с радостью разделили бы с Гитлером нашу империю на Востоке.

Примерно в 5 часов показались шпили и купола Москвы. Мы кружились вокруг города по тщательно указанным маршрутам, вдоль которых все батареи были предупреждены, и приземлились на аэродроме, на котором мне предстояло побывать еще раз во время войны.

Здесь находился Молотов во главе группы русских генералов и весь дипломатический корпус, а также, как и всегда в подобных случаях, много фотографов и репортеров. Был произведен смотр большого почетного караула, безупречного в отношении одежды и выправки. Он прошел перед нами после того, как оркестр исполнил национальные гимны трех великих держав, единство которых решило судьбу Гитлера. Меня подвели к микрофону, и я произнес короткую речь. Аверелл Гарриман говорил от имени Соединенных Штатов. Он должен был остановиться в американском посольстве. Молотов доставил меня в своей машине в предназначенную для меня резиденцию, находящуюся в 8 милях от Москвы, – на государственную дачу номер 7. Когда мы проезжали по улицам Москвы, которые казались очень пустынными, я опустил стекло, чтобы дать доступ воздуху, и, к моему удивлению, обнаружил, что стекло имеет толщину более двух дюймов. Это превосходило все известные мне рекорды.

«Министр говорит, что это более надежно», – сказал переводчик Павлов.

Через полчаса с небольшим мы прибыли на дачу.

Все было подготовлено с тоталитарной расточительностью. В мое распоряжение был предоставлен в качестве адъютанта огромного роста офицер, обладавший великолепной внешностью (я думаю, он принадлежал к княжеской фамилии при царском режиме), который выступал также в роли нашего хозяина и являл собой образец вежливости и внимания. Много опытных слуг в белых куртках и с сияющими улыбками следили за каждым пожеланием или движением гостей. Длинный стол в столовой и различные буфеты были заполнены разными деликатесами и напитками, какие только может предоставить верховная власть. Меня провели через обширную приемную комнату в спальню и ванную, которые имели почти одинаковые размеры.

Яркий, почти ослепительный электрический свет показывал безупречную чистоту. Хлынула горячая и холодная вода. Я с нетерпением ждал горячей ванны после продолжительного путешествия в жаре. Все было приготовлено моментально. Я заметил, что над раковинами нет отдельных кранов для холодной и горячей воды, а в раковинах нет затычек. Горячая и холодная вода, смешанная до желательной температуры, вытекала через один кран. Кроме того, не приходилось мыть руки в раковине, это можно было делать под струей воды из крана. В скромной форме я применил эту систему у себя дома. Если нет недостатка в воде, то это самая лучшая система.

После всех необходимых погружений и омовений нас угощали в столовой всевозможными отборными блюдами и напитками, в том числе, конечно, икрой и водкой. Кроме того, было много других блюд и вин из Франции и Германии, гораздо больше, чем мы могли или хотели съесть. К тому же у нас оставалось мало времени до отъезда в Москву. Я сказал Молотову, что буду готов встретиться со Сталиным этим вечером, и он предложил, чтобы встреча произошла в 7 часов.

* * *

Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения. Наше совещание продолжалось около четырех часов. Поскольку наш второй самолет, в котором находились Брук, Уэйвелл и Кадоган, не прибыл, присутствовали только Сталин, Молотов, Ворошилов, я, Гарриман, а также наш посол и переводчики. Я составил этот отчет на основании записей, которые мы вели, на основании моих собственных воспоминаний, а также телеграмм, которые я посылал в Англию в то время.

Первые два часа были унылыми и мрачными. Я сразу же начал с вопроса о втором фронте, заявив, что хочу говорить откровенно и хотел бы, чтобы Сталин тоже проявил полную откровенность. Я не приехал бы в Москву, если бы не был уверен, что он сможет обсуждать реальные вещи. Когда Молотов был в Лондоне, я говорил ему, что мы пытаемся составить планы диверсии во Франции. Я также разъяснил Молотову, что не могу дать никаких обещаний относительно 1942 года, и вручил Молотову меморандум по этому вопросу.

После этого англичанами и американцами было проведено исчерпывающее изучение проблемы. Английское и американское правительства не считают для себя возможным предпринять крупную операцию в сентябре, являющемся последним месяцем, в течение которого можно полагаться на погоду. Однако, как это известно Сталину, они готовятся к очень большой операции в 1943 году.

С этой целью сейчас установлены сроки прибытия в Соединенное Королевство миллиона американских солдат на их сборный пункт весной 1943 года, что составит экспедиционную армию в 27 дивизий, к которым английское правительство готово добавить 21 дивизию. Почти половину этих войск составят бронетанковые войска. Пока что в Соединенное Королевство прибыли только 2,5 американской дивизии, однако большие перевозки будут осуществлены в октябре, ноябре и декабре.

Я сказал Сталину, что хорошо понимаю, что этот план не дает никакой помощи России в 1942 году, но считаю возможным, что, когда план 1943 года будет готов, вполне может оказаться, что немцы будут иметь более сильную армию на Западе, чем теперь. В этот момент лицо Сталина нахмурилось, но он не прервал меня. Затем я сказал, что у меня есть серьезные доводы против атаки на французское побережье в 1942 году. Имеющихся у нас десантных судов хватит лишь для высадки первого эшелона десанта на укрепленном побережье – их хватит для того, чтобы высадить шесть дивизий и поддерживать их. Если высадка окажется успешной, могли

бы быть посланы и другие дивизии, но лимитирующим фактором являются десантные суда, которые теперь строятся в очень большом количестве в Соединенном Королевстве, а особенно в Соединенных Штатах. Вместо одной дивизии, которая могла бы быть доставлена в этом году, в будущем году окажется возможным доставить восемь или десять.

Сталин становился все мрачнее и мрачнее; казалось, он не был убежден моими доводами и спросил, разве невозможно атаковать какую-либо часть французского побережья. Я показал ему карту, из которой было видно, насколько трудно создать воздушное прикрытие где-либо, кроме как непосредственно по ту сторону Ла-Манша. Он, казалось, не понял этого и задал несколько вопросов о радиусе действия самолетов-истребителей.

Разве они не могли бы, например, все время прилетать и улетать? Я разъяснил, что они, конечно, могли бы прилетать и улетать, но при таком радиусе у них не оставалось бы времени, чтобы сражаться, и я добавил, что воздушное прикрытие необходимо держать развернутым для того, чтобы оно приносило какую-то пользу. Он затем сказал, что во Франции нет ни одной германской дивизии, представляющей какую-нибудь ценность. Я возражал против этого заявления. Во Франции находится 25 германских дивизий, причем 9 из них являются дивизиями первой линии. Он покачал головой. Я сказал, что взял с собой начальника имперского генерального штаба, чтобы подобные вопросы могли быть подробно рассмотрены с русским генеральным штабом. Существует граница, за пределами которой государственные деятели не могут вести переговоры такого рода.

* * *

Сталин, мрачное настроение которого к этому времени значительно усилилось, сказал, что, насколько он понимает, мы не можем создать второй фронт со сколько-нибудь крупными силами и не хотим даже высадить шесть дивизий. Я ответил, что дело обстоит так. Мы могли бы высадить шесть дивизий, но их высадка принесла бы больше вреда, чем пользы, ибо она сильно повредила бы большой операции, намечаемой на будущий год. Война – это война, но не безрассудство, и было бы глупо навлечь катастрофу, которая не принесет пользу никому. Я выразил опасение, что привезенные мною известия не являются хорошими известиями. Если бы, бросив в дело 150–200 тысяч человек, мы могли оказать ему помощь, отвлекая с русского фронта существенные германские силы, мы не отказались бы от такого курса из-за потерь. Однако, если это не отвлечет с русского фронта солдат и испортит перспективы 1943 года, то такое решение было бы большой ошибкой.

Сталин, который стал держать себя нервно, сказал, что он придерживается другого мнения о войне. Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну. Почему мы так боимся немцев? Он не может этого понять. Его опыт показывает, что войска должны быть испытаны в бою. Если не испытать в бою войска, нельзя получить никакого представления о том, какова их ценность. Я спросил, задавался ли он когда-нибудь вопросом, почему Гитлер не вторгся в Англию в 1940 году, когда его мощь была наивысшей, а мы имели только 20 тысяч обученных солдат, 200 пушек и 50 танков [63]. Он не вторгся. Факт таков, что Гитлер испугался этой операции. Не так легко преодолеть Ла-Манш. Сталин ответил, что здесь не может быть аналогии. Высадка Гитлера в Англии встретила бы сопротивление народа, тогда как в случае английской высадки во Франции народ будет на стороне англичан.

Я указал, что поэтому тем более важно, чтобы в результате отступления народ Франции не оказался перед угрозой мести Гитлера и чтобы не потерять зря этих людей, которые будут нужны во время большой операции в 1943 году.

Наступило гнетущее молчание. В конце концов Сталин сказал, что, если мы не можем произвести высадку во Франции в этом году, он не вправе требовать этого или настаивать на этом, но он должен сказать, что не согласен с моими доводами.

Затем я развернул карту Южной Европы, Средиземного моря и Северной Африки. Что представляет собой второй фронт? Представляет ли он собой только высадку на укрепленном побережье против Англии? Или он способен принять форму какого-нибудь другого большого предприятия, которое может быть полезным для общего дела?..

Я говорил о том, какие военные преимущества принесет освобождение Средиземного моря – оно даст возможность открыть еще один фронт. В сентябре мы должны одержать победу в Египте, а в октябре – в Северной Африке. Если к концу года мы сможем овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать бреху гитлеровской Европы, и эта операция должна рассматриваться в сочетании с операцией 1943 года. Это и есть то, что мы с американцами решили сделать.

Я подчеркнул, что мы хотим облегчить бремя русских.

Если мы попытаемся сделать это в Северной Франции, то натолкнемся на отпор. Если мы предпримем попытку в Северной Африке, то у нас будут хорошие шансы на победу, и тогда мы могли бы помочь в Европе. Если бы мы могли овладеть Северной Африкой, то Гитлеру пришлось бы отозвать свои воздушные силы, в противном случае мы уничтожили бы его союзников, даже, например, Италию, и произвели бы высадку. Операция окажет серьезное влияние на Турцию и на всю Южную Европу, и я боюсь только того, что нас могут опередить. Если Северная Африка будет завоевана в этом году, мы могли бы предпринять смертельную атаку против Гитлера в следующем году.

Я затем коснулся вопроса о возможности использования англо-американской авиации на южном фланге русских армий, чтобы защищать Каспийское море и Кавказские горы и вообще сражаться на этом театре. Однако я не говорил о деталях, поскольку нам, конечно, надо было сначала выиграть нашу битву в Египте и я не был знаком с планами президента относительно участия американцев. Если Сталину понравится эта идея, мы займемся детальной ее разработкой. Он ответил, что они будут очень благодарны за эту помощь, но вопрос о размещении английской авиации потребует детального изучения.

Затем мы собрались около большого глобуса, и я разъяснил Сталину, какие громадные преимущества даст освобождение от врага Средиземного моря. Я сказал Сталину, что если он захочет опять увидаться со мной, то я в его распоряжении. Он ответил, что по русскому обычаю гость должен сказать о своих желаниях и что он готов принять меня в любое время. Теперь он знал самое худшее, и мы все-таки расстались в атмосфере доброжелательства.

* * *

Встреча продолжалась почти четыре часа. Потребовалось полчаса с небольшим, чтобы добраться до государственной дачи номер 7. Хотя я был сильно утомлен, я продиктовал после полуночи телеграммы военному кабинету и президенту Рузвельту, а затем крепко и надолго заснул с сознанием, что, по крайней мере, лед сломлен и установлен человеческий контакт.

На следующее утро я проснулся поздно в моем роскошном помещении. Я договорился, что в полдень нанесу визит Молотову в Кремле, чтобы разъяснить ему полнее и яснее характер различных операций, которые мы имели в виду. Я предложил ему, чтобы моя встреча со Сталиным состоялась в 10 часов этим вечером. Позднее, днем, мне сообщили, что удобнее было бы устроить встречу в 11 часов вечера. Меня спросили, не захочу ли я взять с собой Гарримана, поскольку речь будет идти о тех же вопросах, что и накануне вечером. Я ответил «да» и сказал, что мне хотелось бы также взять с собой Кадогана, Брука, Уэйвелла и Теддера, которые тем временем благополучно прибыли из Тегерана на русском самолете, поскольку существовала опасность возникновения пожара на их самолете «ли-берейтор».

Прежде чем покинуть эту изысканную строгую комнату дипломата, я повернулся к Молотову и сказал: «Сталин допустил бы большую ошибку, если бы обошелся с нами сурово, после

того как мы проделали такой большой путь. Такие вещи не часто делаются обеими сторонами сразу».

Молотов впервые перестал быть чопорным. «Сталин, – сказал он, – очень мудрый человек. Вы можете быть уверены, что, какими бы ни были его доводы, он понимает все. Я передам ему то, что вы сказали».

Мы все прибыли в Кремль в 11 часов вечера и были приняты только Сталиным и Молотовым, при которых находился их переводчик. Затем начался крайне неприятный разговор. Сталин передал мне документ. Когда он был переведен, я сказал, что отвечу на него в письменной форме и что Сталин должен понять, что мы приняли решение относительно курса, которому надо следовать, и упреки тщетны. После этого мы спорили почти два часа. За это время он сказал очень много неприятных вещей, особенно о том, что мы слишком боимся сражаться с немцами и что если бы мы попытались это сделать, подобно русским, то мы убедились бы, что это не так уж плохо; что мы нарушили наше обещание относительно второго фронта; что мы не выполнили обещаний в отношении поставок России и посылали лишь остатки после того, как взяли себе все, в чем мы нуждались. По-видимому, эти жалобы были адресованы в такой же степени Соединенным Штатам, как и Англии.

Я решительно отверг все его утверждения, но без каких-либо колкостей. Мне кажется, он не привык к тому, чтобы ему неоднократно противоречили. Однако он вовсе не рассердился и даже не был возбужден. Он повторил свое мнение, что англичане и американцы смогли бы высадить шесть или восемь дивизий на Шербурском полуострове, поскольку они обладают господством в воздухе. Он считал, что если бы английская армия так же много сражалась с немцами, как русская армия, то она не боялась бы так сильно немцев. Русские и, конечно, английская авиация показали, что немцев можно бить. Английская пехота могла бы сделать то же самое при условии, если бы она действовала одновременно с русскими.

Я вмешался и заявил, что согласен с замечаниями Сталина по поводу храбрости русской армии. Предложение о высадке в Шербуре не учитывает существования Ла-Манша. Наконец Сталин сказал, что нет смысла продолжать разговор на эту тему. Он вынужден принять наше решение. Затем он отрывисто пригласил нас на обед в 8 часов следующего вечера.

Принимая приглашение, я сказал, что вылечу на самолете на рассвете следующим утром, то есть 15-го. Джо, казалось, был несколько озабочен этим и спросил, не смогу ли я остаться дольше. Я ответил, что, конечно, могу, если это принесет какую-нибудь пользу, и что во всяком случае я останусь еще на день. Я воскликнул затем, что в его позиции не чувствуется уз товарищества. Я проделал большой путь, чтобы установить хорошие деловые отношения. Мы сделали все возможное, чтобы помочь России, и будем продолжать это делать.

Мы были покинуты в полном одиночестве в течение года в борьбе против Германии и Италии. Теперь, когда три великие нации стали союзниками, победа обеспечена, при условии, если мы не разойдемся и т. д. Когда я говорил это, я был несколько возбужден, и, прежде чем сказанное мною успели перевести, Сталин заметил, что ему нравится тон моего высказывания. После этого начался разговор в несколько менее напряженной атмосфере.

* * *

Сталин начал длительное обсуждение, касающееся двух русских минометов, стреляющих ракетами, действие которых, по его словам, было опустошительным. Он предложил показать их нашим экспертам, если они могут обождать. Он сказал, что предоставит нам всю информацию об этих минометах, но не будет ли нами дано что-нибудь взамен? Не должно ли существовать соглашение об обмене информацией по поводу изобретений? Я сказал, что мы дадим им все, не торгуясь, за исключением лишь тех приспособлений, которые, если они окажутся на самолетах над вражескими позициями и будут сбиты, сделают для нас более трудной бом-

бардировку Германии. Он согласился с этим. Он также согласился с тем, чтобы его военные представители встретились с нашими генералами, и такая встреча была намечена на 3 часа дня.

Наконец, я задал вопрос по поводу Кавказа. Намерен ли он защищать горную цепь и каким количеством дивизий? При обсуждении этого вопроса он послал за макетом хребта и совершенно откровенно и с явным знанием дела разъяснил прочность этого барьера, для защиты которого, по его словам, имеется 25 дивизий. Он указал на различные горные проходы и сказал, что они будут обороняться. Я спросил, укреплены ли они, и он ответил: «Да, конечно». Линия фронта русских, до которой враг еще не дошел, находилась севернее основного хребта. Он сказал, что им придется держаться в течение двух месяцев, когда снег сделает горы непроходимыми. Он заявил, что вполне уверен в том, что они смогут это сделать, а также подробно говорил о силе Черноморского флота, который был сосредоточен в Батуми.

Вся эта часть беседы была менее напряженной, однако, когда Гарриман задал вопрос по поводу планов доставки американских самолетов через Сибирь, на что русские лишь недавно дали согласие после продолжительных настояний американцев, он ответил отрывисто: «Войны не выигрывают планами». Гарриман все время поддерживал меня, и ни один из нас не сделал ни малейшей уступки и не произнес ни одного горького слова. Сталин раскланялся с нами и протянул мне на прощание свою руку, и я пожал ее.

Ниже приводится памятная записка от 13 августа 1942 г., которую Сталин вручил мне:

«В результате обмена мнений в Москве, имевшего место 12 августа с. г., я установил, что Премьер-министр Великобритании г. Черчилль считает невозможной организацию второго фронта в Европе в 1942 году.

Как известно, организация второго фронта в Европе в 1942 году была предreshена во время посещения Молотовым Лондона и она была отражена в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г.

Известно также, что организация второго фронта в Европе имела своей целью отвлечение немецких сил с восточного фронта на Запад, создание на Западе серьезной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчение таким образом положения советских войск на советско-германском фронте в 1942 году.

Вполне понятно, что Советское Командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году.

Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования.

Я уже не говорю о том, что затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 году, несомненно, должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников.

Мне и моим коллегам кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. Неизвестно, будет ли представлять 1943 год такие же благоприятные условия для создания второго фронта, как 1942 год. Мы считаем поэтому, что именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе. Но мне, к сожалению, не удалось убедить в этом господина Премьер-министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель Президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина Премьер-министра».

Следующим утром, хорошо отдохнув, я подготовил с помощью начальника имперского генерального штаба и Кадогана следующий ответ, в котором, в частности, было сказано:

«...Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не нарушили никакого обещания. Я обращаю внимание на пункт 5 моего меморандума, врученного г-ну Молотову 10 июня 1942 года, в котором отчетливо сказано: «Поэтому мы не можем дать никакого обещания». Этот меморандум явился результатом длительных переговоров, в которых было исчерпывающим образом разъяснено, что существуют весьма малые шансы на принятие подобного плана. Некоторые из бесед, в которых были даны эти разъяснения, записаны...

Мы не можем согласиться с тем, что переговоры с гном Молотовым о втором фронте, поскольку они были ограничены как устными, так и письменными оговорками, дали бы какое-либо основание для изменения стратегических планов русского верховного командования.

Мы вновь подтверждаем нашу решимость оказывать нашим русским союзникам помощь всеми возможными средствами».

* * *

Этим вечером мы были на официальном обеде в Кремле, на котором присутствовало около 40 человек, в том числе некоторые высокопоставленные военные, члены Политбюро и другие высшие официальные лица. Сталин и Молотов радушно принимали гостей. Такие обеды продолжаются долго, и с самого начала было произнесено в форме очень коротких речей много тостов и ответов на них. Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных рюмок, делая в каждом случае лишь маленький глоток. Меня изрядно угощали.

Мы со Сталиным договорились о встречах между руководящими военными представителями обеих сторон. 15 августа состоялось два совещания. Я послал следующее сообщение об их результатах Эттли и президенту Рузвельту:

«На совещании в Москве в субботу (15 августа) Ворошилов и Шапошников встретились с Бруком, Уэйвеллом и Тендером, которые подробно изложили причины отказа от операции „Следжхэммер“ по открытию второго фронта. Это не произвело никакого впечатления, поскольку русские, хотя и были настроены вполне благосклонно, действовали по строгим инструкциям. Они даже не пытались сколько-нибудь серьезно и подробно обсуждать этот вопрос. Через некоторое время начальник имперского генерального штаба попросил сообщить ему подробно о положении на Кавказе, на что Ворошилов ответил, что он не уполномочен говорить на эту тему, но попросит соответствующих полномочий.

В связи с этим днем состоялось второе заседание, на котором русские повторили то, что Сталин сообщил нам, а именно, что 25 дивизий будет выделено для обороны кавказских горных позиций и проходов по обе стороны и что, как они полагают, им удастся удержать Батуми, Баку и кавказскую горную цепь до тех пор, пока зимние снега значительно не улучшат их положение. Однако начальник имперского генерального штаба не успокоился. Так, например, Ворошилов заявил, что все проходы укреплены, но, когда начальник имперского генерального штаба летел на высоте 150 футов вдоль западного берега Каспийского моря, он видел, что северная линия обороны только начала возводиться вместе с противотанковыми заграждениями, дотами и т. п.

В частной беседе со мной Сталин открыл мне другие веские основания своей уверенности, в том числе и план широкого контрнаступления, но он просил меня держать это в особом секрете, и я не буду дальше об этом распространяться здесь. Я лично считаю, что существуют равные шансы и на то, что они выдержат, но начальник имперского генерального штаба не уверен в этом».

Меня обижало многое, что говорилось на наших совещаниях. Я делал всяческие скидки на то напряжение, которое испытывали советские руководители в условиях, когда они вели

кровавопролитные сражения на фронте почти в 2 тысячи миль, а немцы находились в 50 милях от Москвы и двигались к Каспийскому морю. Технические военные переговоры шли не особенно успешно. Наши генералы задавали всевозможные вопросы, на которые их советские коллеги не были уполномочены отвечать. Единственное требование Советов было – «второй фронт сейчас». В конце концов Брук даже повел себя несколько резко, и военное совещание было прервано довольно внезапно.

* * *

Нам предстояло вылететь на рассвете 16-го. Накануне вечером, в 7 часов, я отправился попрощаться со Сталиным. Состоялась полезная и важная беседа. В частности, я спросил, сможет ли он удержать кавказские горные проходы и помешать немцам достигнуть Каспийского моря, захватить нефтепромыслы в районе Баку, воспользоваться связанными с этим преимуществами и затем рвануться на юг через Турцию или Персию.

Он разостлал на столе карту и сказал со спокойной уверенностью: «Мы остановим их. Они не перейдут через горы».

Он добавил: «Ходят слухи, что турки нападут на нас в Туркестане. Если это верно, то я смогу справиться и с ними».

Я сказал, что нет такой опасности. Турки намерены держаться в стороне и, конечно, не захотят ссориться с Англией.

Наша беседа, длившаяся час, подходила к концу, и я поднялся и начал прощаться. Сталин вдруг, казалось, пришел в замешательство и сказал особенно сердечным тоном, каким он еще не говорил со мной:

«Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?»

Я сказал, что в принципе я всегда за такую политику.

Он повел меня через многочисленные коридоры и комнаты до тех пор, пока мы не вышли на безлюдную мостовую внутри Кремля и через несколько сот шагов пришли в квартиру, в которой он жил. Он показал мне свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре – столовая, кабинет, спальня и большая ванная. Вскоре появилась сначала очень старая экономка, а затем красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца.

Он взглянул на меня с усмешкой в глазах, и мне показалось, что он хотел сказать: «Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью».

Дочь Сталина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин раскупоривал разные бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею.

Затем он сказал: «Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество – он может пить».

Тогда я понял, что предстоит обед. Я собирался обедать на государственной даче номер 7, где меня ждал польский командующий генерал Андерс, но я попросил моего нового и превосходного переводчика майора Бирса позвонить и передать, что я вернусь после полуночи. Вскоре прибыл Молотов. Мы сели за стол, и с двумя переводчиками нас было пятеро. Майор Бирс жил в Москве 20 лет и отлично понимал Сталина, с которым он в течение некоторого времени вел довольно живой разговор, в котором я не мог принять участия.

Мы просидели за этим столом более семи часов. Обед был, очевидно, импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потя-

гивали различные превосходные вина. Молотов принял свой самый приветливый вид, а Сталин, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним.

Вскоре мы заговорили о конвоях судов, направляемых в Россию. В этой связи он сделал грубое замечание о почти полном уничтожении арктического конвоя PQ-17 в июне. «Г-н Сталин спрашивает, – сказал Павлов несколько нерешительно, – разве у английского флота нет чувства гордости?»

Я ответил:

«Вы должны верить мне, что то, что было сделано, было правильно. Я действительно знаю много о флоте и морской войне».

«Это означает, – вмешался Сталин, – что я ничего не знаю».

«Россия сухопутный зверь, – сказал я, – а англичане морские звери».

Он замолчал и вновь обрел свое благодушное настроение.

Я перевел разговор на Молотова:

«Известно ли маршалу, что его министр иностранных дел во время своей недавней поездки в Вашингтон заявил, что он решил посетить Нью-Йорк исключительно по своей инициативе и что его задержка на обратном пути объяснялась не какими-нибудь неполадками с самолетом, а была преднамеренной».

Хотя на русском обеде в шутку можно сказать почти все, что угодно, Молотов отнесся к этому довольно серьезно.

Но лицо Сталина просияло весельем, когда он сказал:

«Он отправился не в Нью-Йорк. Он отправился в Чикаго, где живут другие гангстеры».

* * *

Когда отношения были, таким образом, полностью восстановлены, беседа продолжалась. Я заговорил о высадке англичан в Норвегии при поддержке русских и объяснил, что если бы нам удалось захватить Нордкап зимой и уничтожить там немцев, это открыло бы путь для наших конвоев. Этот план, как можно заключить из предыдущего, всегда был одним из моих излюбленных планов. Казалось, Сталину он понравился, и, обсудив средства его осуществления, мы договорились, что нам следует выполнить его по мере возможности.

Было уже за полночь, а Кадоган все не появлялся с проектом коммюнике.

«Скажите мне, – спросил я, – на вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?»

Эта тема сейчас же оживила маршала.

«Ну нет, – сказал он, – политика коллективизации была страшной борьбой».

«Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, – сказал я, – ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей».

«С десятью миллионами, – сказал он, подняв руки. – Это было что-то страшное, это длилось четыре года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали трактора крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними было бесполезно спорить. После того, как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что он должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском».

Это последнее выражение было новым для меня в этой связи.

«Обсудив с ними это дело, он всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов».

«Это были люди, которых вы называли кулаками?»

«Да, – ответил он, не повторив этого слова. После паузы он заметил: – Все это было очень скверно и трудно, но необходимо».

«Что же произошло?» – спросил я.

«Многие из них согласились пойти с нами, – ответил он. – Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области, или в Иркутской, или еще дальше на север, но основная их часть была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками».

Наступила довольно длительная пауза. Затем Сталин продолжал:

«Мы не только в огромной степени увеличили снабжение продовольствием, но и неизмеримо улучшили качество зерна. Раньше выращивались всевозможные сорта зерна. Сейчас во всей нашей стране никому не разрешается сеять какие бы то ни было другие сорта, помимо стандартного советского зерна. В противном случае с ними обходятся сурово. Это означает еще большее увеличение снабжения продовольствием».

Я воспроизвожу эти воспоминания по мере того, как они приходят мне на память, и помню, какое сильное впечатление на меня в то время произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются. Несомненно, родится поколение, которому будут неведомы их страдания, но оно, конечно, будет иметь больше еды и будет благословлять имя Сталина. Я не повторил афоризм Берка: «Если я не могу провести реформ без несправедливости, то не надо мне реформ». В условиях, когда вокруг нас свирепствовала мировая война, казалось бесполезным морализировать вслух.

* * *

К часу ночи прибыл Кадоган с проектом коммюнике, и мы занялись его окончательным редактированием. На стол подали молочного поросенка довольно крупных размеров. До сих пор Сталин только пробовал отдельные блюда, но время близилось уже к 3 часам ночи, и это был его обычный обеденный час. Он предложил Кадогану вместе с ним атаковать жертву, а когда мой друг отказался, хозяин обрушился на жертву в одиночку. Закончив, он поспешно вышел в соседнюю комнату, чтобы выслушать доклады со всех участков фронта, которые начинали поступать к нему после 2 часов утра. Он возвратился минут через 20, и к тому времени мы согласовали коммюнике.

Наконец в 2 часа 30 минут утра я сказал, что должен ехать. Мне нужно было полчаса добираться до дачи и столько же ехать до аэродрома. Голова моя раскалывалась от боли, что было для меня весьма необычным. А мне еще нужно было повидаться с генералом Андерсом. Я просил Молотова не провожать меня на рассвете, так как он явно был очень утомлен. Он посмотрел на меня укоризненно, как бы говоря: «Вы действительно думаете, что я не провожу вас?»

Ниже я приведу опубликованный текст коммюнике:

«Англо-советское коммюнике о переговорах Премьер-министра Великобритании г-на У. Черчилля с Председателем Совнаркома СССР И. В. Сталиным.

В Москве происходили переговоры между Председателем Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталиным и Премьер-министром Великобритании г-ном У. Черчиллем, в которых участвовал господин Гарриман как представитель президента США. В беседах приняли участие Народный Комиссар Иностранных Дел В. М. Молотов, маршал К. Е. Ворошилов – с советской стороны, британский Посол сэр А. Кларк Керр, Начальник Имперского Генерального штаба сэр А. Брук и другие

ответственные представители британских вооруженных сил, постоянный заместитель министра иностранных дел сэр Александр Кадоган – с английской стороны.

Был принят ряд решений, охватывающих область войны против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе. Эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании.

Беседы, происходившие в атмосфере сердечности и полной откровенности, дали возможность еще раз констатировать наличие тесного содружества и взаимопонимания между Советским Союзом, Великобританией и США в полном соответствии с существующими между ними союзными отношениями».

Тегеранская конференция

Важное значение для наших отношений с Советами имела «встреча трех» в Тегеране в ноябре 1943 года. Надо сказать, что я был не в восторге от того, как была организована эта встреча с нашей стороны. По моем прибытии на самолете в Тегеран английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти 3 миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента. Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени.

Американская миссия, которая охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всего периода конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что советская разведка раскрыла заговор, имевший целью убийство одного или более членов «большой тройки», как нас называли, и поэтому мысль о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызвала у него глубокую тревогу. «Если что-нибудь подобное случится, – сказал он, – это может создать самое неблагоприятное впечатление». Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в русское владение, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех, обсуждать проблемы мировой войны. Я очень удобно устроился в английской миссии, и мне нужно было пройти всего лишь несколько сот ярдов до здания советского посольства, которое на время превратилось, можно сказать, в центр всего мира.

* * *

Появилось много неправильных отчетов о позиции, которую я с полного согласия английского комитета начальников штабов занимал на конференции. В Америке утвердилось мнение, будто я старался помешать осуществлению операции «Оверлорд» по открытию второго фронта во Франции в 1944 году и тщетно пытался склонить союзников предпринять массовое вторжение на Балканы или крупную кампанию в восточной части Средиземного моря, которая поставила бы крест на операции «Оверлорд». Пожалуй, есть смысл рассказать, чего я в действительности добивался и чего в весьма значительной степени добился.

Операция «Оверлорд», к детальному планированию которой мы приступили, должна была быть начата в мае, или июне, или самое позднее в первых числах июля 1944 года. Войскам и судам, которые должны были перевозить их, по-прежнему предоставлялся приоритет. Далее, требовалось снабжать действующую в Италии многочисленную англо-американскую армию, перед которой стояла задача захватить Рим и продвинуться к северу от него, чтобы занять аэродромы, с которых можно было бы подвергать воздушной бомбардировке Южную Германию. После достижения этих целей войска в Италии Должны были остановиться на линии Пиза, Римини, то есть мы не должны были переносить линию фронта в более широкую часть Итальянского полуострова. Эти операции в случае сопротивления противника отвлекли бы и сковали крупные германские силы, дали бы итальянцам возможность искупить свою вину и непрерывно поддерживали бы пламя войны на вражеском фронте.

Я в то время не возражал против высадки на юге Франции, вдоль Ривьеры, с целью захвата Марселя и Тулона и дальнейшего продвижения англо-американских войск на север вдоль долины Роны в помощь главным силам, которые предпримут основное вторжение через Ла-Манш. В качестве другого варианта я предпочитал правофланговое наступление из Северной Италии на Вену, используя Истрийский полуостров и Люблянский проход. Я был очень рад, когда президент внес это предложение, и пытался, как это будет видно из последующего, добиться, чтобы оно было принято. Если бы немцы оказали сопротивление, нам удалось бы отвлечь много их дивизий с русского фронта и с побережья Ла-Манша. Если бы они не стали сопротивляться, мы могли бы освободить небольшой ценой огромные и очень важные районы. Я был уверен, что немцы будут сопротивляться и этим мы поможем операции «Оверлорд» самым решительным образом.

Мое третье требование состояло в том, чтобы не пренебрегать восточной частью Средиземного моря со всеми преимуществами, которые она могла дать, при условии, конечно, что не будут отвлечены силы, которые можно использовать в операции форсирования Ла-Манша. Во всех этих своих планах я придерживался тех пропорций, о которых говорил генералу Эйзенхауэру двумя месяцами ранее, а именно: шесть десятых наших наличных сил – на операцию форсирования Ла-Манша, три десятых – в Италии и одна десятая – в восточной части Средиземного моря. От этого своего мнения я никогда ни на шаг не отклонялся.

Вскоре после переезда президента на новую квартиру, в советское посольство, Сталин пришел его приветствовать, и между ними состоялась дружественная беседа. По словам биографа Гопкинса, президент сообщил Сталину, что он обещал Чан Кайши развернуть активные операции в Бирме. Сталин был невысокого мнения о боевых качествах китайских войск. Президент «коснулся одной из его излюбленных тем... обучения колониальных народов Дальнего Востока... искусству самоуправления... Он предостерег Сталина против обсуждения проблем Индии с Черчиллем, и Сталин согласился, что это, несомненно, большой вопрос. Рузвельт сказал, что реформа в Индии должна начаться снизу, а Сталин заметил, что реформа снизу означает революцию».

Я провел это утро спокойно, занимаясь многочисленными телеграммами из Лондона.

* * *

Первое пленарное заседание состоялось в советском посольстве в воскресенье 28 ноября 1943 года в 4 часа дня. В просторном и красивом зале заседаний мы уселись за большим круглым столом. Со мной были Иден, Дилл, три начальника штабов и Исмей. С президентом были Гарри Гопкинс, адмирал Леги, адмирал Кинг и два других офицера. Генерал Маршалл и генерал Арнольд не присутствовали, так как, по свидетельству биографа Гопкинса, «они перепутали час заседания и поехали осматривать достопримечательности Тегерана». Со мной был мой превосходный переводчик, который обслуживал меня и в предыдущем году, майор Бирс.

Павлов снова выполнял эту роль для советских представителей, а Болен, новый человек, – для представителей США. Сталина сопровождали только Молотов и маршал Ворошилов. Мы сидели со Сталиным почти напротив. Мы заранее договорились, что на первом заседании будет председательствовать президент Рузвельт, который не возражал против этого. Он открыл наше заседание поздравительной речью, заявив, согласно нашим записям, что русские, англичане и американцы впервые сидят за столом как члены одной семьи, добивающиеся единой цели – победы в войне. Никакой повестки дня для совещания заранее намечено не было, и каждый может обсуждать все, что угодно, и не обсуждать то, что ему неудобно. Каждый может свободно высказать все, что желает, на дружественной основе, и ничто не подлежит опубликованию.

В своем вступительном слове я тоже подчеркнул значение этого события. Это совещание, сказал я, представляет, пожалуй, величайшую концентрацию мировых сил, неизвестную еще в истории человечества. От нас зависит сокращение сроков войны, почти верная победа и, вне всякого сомнения, счастье и судьбы всего человечества.

Сталин сказал, что он высоко ценит наши заявления о дружбе трех держав. Им действительно предоставляется великая возможность, и он надеется, что они хорошо используют ее.

Затем президент начал обсуждение кратким обзором военного положения с американской точки зрения. Он сначала коснулся положения на Тихом океане, который имел особое значение для Соединенных Штатов, поскольку американские вооруженные силы несли там главное бремя войны, пользуясь помощью Австралии, Новой Зеландии и Китая.

Затем президент перешел к Европе. Было проведено много англо-американских совещаний и разработано много планов. Полтора года назад было решено предпринять экспедицию через Ла-Манш, но из-за транспортных и других трудностей все еще было невозможно установить точную дату начала операции. Необходимо собрать в Англии силы достаточные не только для высадки, но и для продвижения в глубь страны. Воды Ла-Манша оказались столь беспокойными, что невозможно будет начать экспедицию до 1 мая 1944 года.

Рузвельт пояснил, что во всех десантных операциях ограничивающим фактором являются десантные суда, и если бы мы решили начать очень крупную экспедицию в Средиземном море, мы должны были бы совершенно отказаться от высадки на другом берегу Ла-Манша. Если бы мы предприняли в Средиземном море операцию меньших масштабов, то она задержала бы нас на один, два и даже три месяца. Поэтому оба мы – как президент, так и я – хотели бы на этой военной конференции услышать от маршала Сталина и маршала Ворошилова, какие действия будут наиболее полезными для Советского Союза.

Было рассмотрено множество разных проблем: усиление нашего наступления в Италии; Балканы; Эгейское море; Турция и т. д. Главная задача конференции и состоит в том, чтобы решить, какие из них принять. Основной задачей англо-американских армий будет как можно больше облегчить бремя, лежащее на советских войсках.

* * *

Сталин, выступивший следующим, приветствовал успехи Соединенных Штатов на Тихом океане, но заявил, что Советский Союз не может в настоящее время присоединиться к борьбе против Японии, поскольку все его вооруженные силы нужны для борьбы с Германией. Советских войск на Дальнем Востоке более или менее достаточно для обороны, но для наступления их надо было бы по меньшей мере утроить. Советский Союз сможет присоединиться к своим друзьям на этом театре после поражения Германии; тогда можно будет выступить в поход вместе.

Касаясь Европы, Сталин заявил, что он хотел бы сказать несколько слов о советском опыте ведения войны. Немцы предвидели июльское наступление советских войск, но в результате того, что было сконцентрировано достаточно войск и оружия, советским войскам было

сравнительно легко перейти в наступление. Сталин откровенно признал, что русские не ожидали таких успехов, каких они достигли в июле, августе и сентябре. Немцы оказались слабее, чем предполагалось.

Затем он сообщил последние сведения о положении на советском фронте. На некоторых участках русские замедлили наступление, на других совсем приостановили, а на Украине, к западу и к югу от Киева, инициатива в последние три недели перешла в руки немцев. Немцы снова захватили Житомир и, вероятно, снова займут Коростень. Их целью является вторичный захват Киева. Тем не менее в основном инициатива по-прежнему находится в руках Советской Армии.

Меня спрашивали, сказал он, каким образом англо-американские войска могут лучше помочь России. Италия не является подходящим плацдармом для вторжения в Германию. Мешают Альпы. Поэтому концентрация крупных сил в Италии для вторжения в Германию ничего не даст. Турция была бы лучшим подступом, чем Италия, но она находится далеко от сердца Германии. По его мнению, Северная или Северо-Западная Франция является самым подходящим местом для высадки англо-американских войск, хотя немцы действительно будут там отчаянно сопротивляться.

Мне предлагали выступить раньше, однако я пока воздерживался от этого. Теперь я решил изложить позицию Англии.

Уже давно решено с Соединенными Штатами, сказал я, что нам надо вторгнуться через Ла-Манш в Северную или Северо-Западную Францию. Именно эту цель преследует большинство наших подготовительных мероприятий, и на ее достижение отведена большая часть наших ресурсов. Потребовался бы целый том цифр и фактов, чтобы показать, почему невозможно было осуществить эту операцию в 1943 году. Но мы решили провести ее в 1944 году.

В 1943 году вместо вторжения через Ла-Манш мы предприняли ряд операций в Средиземном море. Это было сделано с полным сознанием того, что они носят второстепенный характер, но мы считали, что это самое большее, что мы могли сделать в 1943 году, учитывая наши ресурсы и транспортные возможности. Английское и американское правительства поставили перед собой задачу предпринять вторжение через Ла-Манш в конце весны или летом 1944 года. Силы, которые можно будет накопить к тому времени, будут состоять из 16 английских и 19 американских дивизий – в общей сложности из 35 дивизий. Эти дивизии как по численности, так и по вооружению значительно сильнее немецких.

* * *

Сталин заметил, что он никогда не считал операции в Средиземном море второстепенными. Они имели первостепенное значение, но не с точки зрения вторжения в Германию. Я ответил, что тем не менее мы с президентом считали их ступенями к решающей операции через Ла-Манш.

Если учесть, что английские войска заняты на Средиземном море и в Индии, то 16 английских дивизий, выделенных для операции через Ла-Манш, – это максимум того, что может выставить страна с населением в 45 миллионов человек. Эти дивизии можно будет содержать в полном штатном составе, но число их увеличить нельзя. Придется Соединенным Штатам, у которых имеется много резервных дивизий, расширять и питать фронт. Однако до весны и лета 1944 года остается еще шесть месяцев, и мы с президентом задались вопросом, что можно за эти шесть месяцев сделать с нашими наличными ресурсами на Средиземном море для того, чтобы максимально облегчить бремя России и в то же время не задержать операцию «Оверлорд» более чем на месяц или на два.

Семь лучших англо-американских дивизий и некоторое количество десантных судов уже отправлены или отправляются из Средиземного моря в Соединенное Королевство. Это при-

вело к ослаблению наших усилий на Итальянском фронте. Погода плохая, и мы до сих пор не смогли занять Рим. Но мы надеемся занять его к январю. А генерал Александер, который под началом генерала Эйзенхауэра командует 15-й группой армий в Италии, намерен не только занять Рим, но и уничтожить или захватить в плен десять-одиннадцать германских дивизий.

Я пояснил, что мы не намечали продвижения в широкую часть итальянского «сапога» и тем более вторжения в Германию через Альпы. Генеральный план предусматривал сначала занятие Рима и аэродромов к северу от него, что позволило бы нам бомбить Южную Германию, а затем закрепление на линии в направлении Пиза, Римини. После этого должен был быть рассмотрен план создания третьего фронта в соответствии с операцией вторжения через Ла-Манш, но не вместо нее. Существовали две возможности: первая – продвинуться в Южную Францию и вторая, предложенная президентом, – начать продвижение на северо-восток от Адриатического моря в сторону Дуная.

Встает вопрос, что же нам делать в следующие шесть месяцев? Можно многое сказать в поддержку Тито, который сковывает больше германских дивизий и делает больше для союзников, нежели четники Михайловича. Можно было бы, несомненно, извлечь большую пользу от поддержки его снаряжением, но это не отвлекло бы сколько-нибудь значительного числа вражеских солдат. В связи с этим перед нами встает крупнейшая проблема, к разрешению которой можно было бы приступить после того, как ее обсудят войсковые штабы, – проблема вовлечения Турции в войну и открытия доступа через Эгейское море в Дарданеллы и, следовательно, в Черное море. Как только Турция вступит в войну и предоставит нам свои авиабазы, мы сможем захватить острова в Эгейском море сравнительно небольшими силами, порядка двух-трех дивизий плюс авиация, уже находящаяся на этом театре войны. Если бы был открыт доступ в черноморские порты, конвой могли бы идти непрерывно. В настоящее время мы вынуждены ограничиться четырьмя конвоями, идущими Северным путем, поскольку эскортные корабли нужны для операции «Оверлорд». Но как только Дарданеллы будут открыты, эскортные суда, уже находящиеся в Средиземном море, могли бы поддерживать непрерывный поток материалов в советские черноморские порты.

Как нам убедить Турцию вступить в войну? Если она вступит, что мы должны у нее просить? Должна ли она просто предоставить нам свои базы или же она должна выступить против Болгарии и объявить войну Германии? Должны ли ее войска двинуться вперед или им следует оставаться на границе Фракии? Какое это окажет влияние на Болгарию, которая глубоко обязана России за спасение в свое время от турецкого ига? Как будет реагировать Румыния? Она уже зондировала почву относительно безоговорочной капитуляции. Затем имеется еще Венгрия. По какому пути она пойдет? Вполне возможен коренной политический сдвиг в странах-сателлитах, что позволило бы грекам восстать и вытеснить немцев из Греции.

Все это вопросы, по которым у представителей СССР имеется своя информация и своя особая точка зрения. Крайне важно знать, каково их мнение на этот счет. Соответствуют ли эти планы операций в восточной части Средиземного моря интересам Советского правительства настолько, что оно согласится на их осуществление, даже если это на месяц или два отодвинет начало операции «Оверлорд», назначенной на 1 мая? Английское и американское правительства сознательно не принимали окончательного решения по этому вопросу, желая выяснить позицию Советского правительства.

Президент напомнил мне в этот момент еще об одном плане – плане продвижения в северную часть Адриатики и затем на северо-восток – к Дунаю. Я согласился и сказал, что, как только мы займем Рим и разгромим немецкие армии южнее Апеннин в узкой части Италии, англо-американские армии продвинулись достаточно далеко для того, чтобы войти в соприкосновение с противником. Тогда мы могли бы удерживать линию при помощи минимального количества войск и сохранить за собой возможность, используя оставшиеся войска, нанести удар либо по Южной Франции либо, в соответствии с предложением президента, на северо-

восток от северной части Адриатики. Ни одна из этих перспектив не обсуждалась подробно, но если бы Сталин отнесся к ним благосклонно, то можно было бы создать технический подкомитет, который занялся бы изучением путей и средств, фактов и цифр и представил бы доклад конференции.

* * *

Дискуссия подошла затем к критическому моменту.

В протоколах записано:

«Маршал Сталин обратился к премьер-министру со следующими вопросами:

Вопрос: Правильно ли я понял, что вторжение во Францию должно быть предпринято силами тридцати пяти дивизий?

Ответ: Да. Особенно сильных дивизий.

Вопрос: Существует ли намерение предпринять эту операцию силами, находящимися сейчас в Италии?

Ответ: Нет. Семь дивизий уже переброшены или находятся в процессе переброски из Италии и Северной Африки для участия в операции «Оверлорд». Эти семь дивизий необходимы, чтобы дополнить имеющееся число дивизий и довести их до тридцати пяти, упомянутых в вашем первом вопросе. За вычетом семи этих дивизий на Средиземном море еще останется около двадцати двух дивизий для Италии или других объектов. Часть из них может быть использована либо для операции против Южной Франции, либо для наступления в северной части Адриатического моря в сторону Дуная. Обе эти операции будут приурочены к операции «Оверлорд». Тем временем можно было бы без труда выделить две-три дивизии для захвата островов на Эгейском море».

Затем я пояснил, что нет никакой возможности перебросить со Средиземного моря в Соединенное Королевство какие-либо другие дивизии сверх семи упомянутых. Для этого не хватит судов. Тридцать пять англо-американских дивизий будет собрано в Соединенном Королевстве для первоначального штурма. После этого англичане смогут только поддерживать свои шестнадцать дивизий в Северной Франции, однако Соединенные Штаты будут продолжать подбрасывать все новые войска до тех пор, пока экспедиционные силы в Северной Франции не достигнут пятидесяти или шестидесяти дивизий. Каждая английская и каждая американская дивизия, если учитывать войска на коммуникационных линиях, корпусные части, зенитные части и т. д., насчитывает в общей сложности около 40 тысяч человек. В Соединенном Королевстве уже сконцентрированы значительные англо-американские военно-воздушные силы, и тем не менее в ближайшие шесть месяцев американские военно-воздушные силы будут удвоены или даже утроены. Таким образом, в районе, откуда можно легко нанести удар противнику, будет сконцентрировано огромное количество авиации. Войска и снаряжение накапливаются согласно заранее намеченному плану, с которым советские представители смогут ознакомиться, если пожелают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.